

ИСКРА

Подписка принимается:

Въ С. Петербургѣ, въ конторѣ ИСКРЫ, при книж. магаз. А. Ф. Базунова, на Невскомъ пр. въ домѣ Олькиной.

Въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ Н. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Запрятского.

Изъ городовъ надписываютъ свои требованія: въ редакцію ИСКРЫ, въ С.-Петербургѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА 7 р. съ доставкой и пересылкою 4 р.

Журналъ Сатирическій.

XII годъ.

1 января. — 1870 — № 1.

106541

Статьи и объявленія для напечатанія въ ИСКРѣ принимаются въ редакцію — на Невскомъ просп., близъ Знаменна, домъ № 114, квартъ № 4.

Статьи, доставляемыя въ редакцію подлежатъ необходимымъ измѣненіямъ и сокращеніямъ.

Статьи неудобныя къ напечатанію сдаются въ контору, гдѣ и сохраняются втеченіи трехъ мѣсяцевъ. Мелкія статьи и стихотворенія вовсе не возвращаются.

ЦѢНА КАЖДОМУ НУМЕРУ ОТДѢЛЬНО 30 к.

ИСКРА 1870 ГОДА.

«Искра» существуетъ не со вчерашняго дня. Читатель знаетъ ее давно и знаетъ, что было время, когда въ жизни ея и дѣятельности были *хорошіе*, памятные всѣмъ дни.

Конечно, потомъ все пошло прахомъ, но прахомъ пошло не въ одной «Искрѣ», а вездѣ. Полоса такая настала. Когда начиналась «Искра», въ русскомъ обществѣ стояли свѣтлые, прекрасные дни. То была пора самыхъ свѣтлыхъ надеждъ и упованій, пора увлеченій, можетъ быть, юныхъ, незрѣлыхъ, но увлеченій чистыхъ, безкорыстныхъ, полныхъ самоотверженія, проникнутыхъ одною цѣлюю — цѣлюю общаго добра и счастья, и единодушныхъ. Все лучшее общество жило одними и тѣми же идеалами, если и неопредѣленными въ подробностяхъ и не всегда ясно сознаваемыми, то несомнѣнно одинаковыми въ ихъ общей основѣ; оно признавало и выражало ихъ, какъ одинъ человекъ. Литература несла общее, дорогое всѣмъ знаніе. Она несла его грозно и честно, — и этимъ создала себѣ высокое значеніе и необыкновенную силу въ обществѣ. Мы думаемъ, что нисколько не преувеличимъ заслугъ литературы того времени, если скажемъ, что все, что въ настоящее время остается лучшаго, живаго, плодотворнаго въ начинаніяхъ и дѣйствіяхъ общества, было насаждено ея трудомъ, привито ея заботами и стараніями. Но при этомъ мы могли бы сказать, вмѣстѣ съ Гёте, что когда тѣснящіеся въ душу образы прошедшаго «приносятъ съ собою картины свѣтлыхъ дней, то вмѣстѣ съ ними появляется изъ него много дорогихъ тѣней, — и дѣлается болѣзненнымъ старая скорбь, начинаетъ вновь сильнѣе чувствоваться досада на ходъ

жизни, запутывающій людей въ ихъ пути, подобно лабиринту; въ памяти оживаютъ имена добрыхъ тѣхъ спутниковъ, которые исчезли въ прекрасные часы, обманутые счастьемъ».

А счастье дѣйствительно было обманчиво. Давно уже наступила и стоитъ другая полоса. Определенная дѣйствительность смѣнила прежніе неопредѣленные идеалы. Она внесла рознь и разладъ въ единодушное до сихъ поръ общество. При видѣ добычи забыты были возвышенныя цѣли и мечты. Многіе увидали, что дѣйствительность точно будто создана въ ихъ личныхъ интересахъ; другіе нашли, что она очень близко подходитъ къ ихъ интересамъ и стоитъ только немножко поправить ее, чтобы сдѣлать вполне удобною, третьи... Но, однимъ словомъ, многое множество изъ образованнаго общества поняло, что имъ, старшимъ братьямъ русскаго народа, можетъ быть тутъ очень хорошо. Вопросъ для каждаго пошелъ о томъ, какъ бы половчѣе пристроиться къ добычѣ и какъ бы подѣлить ее съ болѣею выгодною для себя. Въ этомъ состоитъ существо различныхъ партій или, точнѣе сказать, кликъ въ современномъ русскомъ обществѣ. Литература, въ значительной и сильнѣйшей части своей, сдѣлалась служебнымъ орудіемъ въ рукахъ различныхъ претендентовъ на добычу. То, что не участвуетъ въ дѣлѣ, что стоитъ за общій интересъ страны, или вовсе не представлено въ ней, или представлено очень блѣдно и слабо. Причина этого послѣдняго обстоятельства заключается въ томъ, что давно уже существуетъ печальное недоразумѣніе между властію, охраняющею общіе интересы и прогрессивною партіею обще-

ства. Претенденты на добычу ловко пользуются такимъ положеніемъ дѣла. Подъ видомъ охраненія безопасности и спокойствія отечества, они пугаютъ всѣхъ красными призраками. Все, что бы ни случилось нарушающаго общественный порядокъ и отъ кого бы это ни происходило, они стараются всячески связать съ дѣйствіями либеральной прессы и вину всего взвалить на послѣднюю. Появленіе либеральной газеты, которая бы пользовалась настолько же свободою мысли, на сколько пользуются ею газеты quasi консервативныя, а въ сущности болѣе всего подкапывающія общественный порядокъ — давно уже сдѣлалось невозможно. Этого мало: даже въ нашихъ ежемѣсячныхъ журналахъ, слишкомъ мало касающихся политическихъ вопросовъ, каждая, болѣе свободная и правдивая, статья подвергается презрѣнному литературному фискальству. Инсинуація, доносъ сдѣланы въ литературѣ самымъ обыкновеннымъ, нормальнымъ явленіемъ. Никогда еще наша литература не доходила въ своихъ пріемахъ до такого униженія и распутства.

Все это мы говоримъ къ тому, чтобъ читатель, благосклонный къ «Искрѣ», памятуя ея хорошее прошед-

шее, не преувеличивалъ своихъ надеждъ на ея будущее потому только, что «Искра» будетъ пользоваться теперь свободою слова. Наша свобода есть только свобода отъ предварительной цензуры, но не дѣйствительная свобода мысли: каждое, болѣе свободное, движеніе мысли стережется безчисленною ордою литературныхъ и нелитературныхъ претендентовъ на дѣлежъ, пролазовъ, холоповъ, — и тайными нашенствами, кому слѣдуетъ, и публично въ печатномъ словѣ выдается за несомнѣнное появленіе краснаго призрака.

Въ виду такого труднаго положенія нашей литературы, мы не можемъ обѣщать благосклонному къ намъ читателю, что будемъ въ состояніи удовлетворить его, можетъ быть, слишкомъ возбужденнымъ требованіямъ. Мы можемъ обѣщать ему только одно, что мы постараемся идти тѣмъ же путемъ, какимъ шли въ наше лучшее время. Мы будемъ

- 1) разоблачать хищниковъ общественного достоинства, развратителей общественной мысли,
- 2) защищать друзей общаго интереса, и вообще
- 3) не робѣть.

НА ДОЛГО-ЛИ? *)

На долго-ли? На долго-ли! Съ двухъ словъ,
Произнесенныхъ, впрочемъ, благосклонно,
Я видѣлъ ночью много дикихъ сновъ
И цѣлый день бродилъ, какъ полусонной.
И лишь теперь, два мѣсяца спустя,
Отдавшись весь работѣ благодатной,
Отвѣчу я, всѣ шансы разочтя:
На долго-ли? На долго, вѣроятно.

Когда больного съ смертнаго одра,
Гдѣ видѣлъ онъ вблизи мученья ада,
Вдругъ на ноги поставятъ доктора,
Покорный имъ, онъ станетъ жить, какъ надо.
Онъ въ мѣру ѣстъ, онъ въ мѣру пьетъ и спитъ.
Спросите вы у доктора, примѣрно,

На долго-ль онъ здоровье сохранить?
Отвѣтитъ врачъ: на долго — это вѣрно.

И съ «Искрой» такъ. Она была больна
Болѣзнью женской — недостаткомъ воли;
Въ истерикахъ такъ мучилась она,
Что прикусить языкъ пришлось отъ боли.
Теперь характеръ возврѣтился къ ней.
— Чтожъ, женщина съ характеромъ! Прекрасно!
Она послушнѣй станетъ и скромнѣй...
— На долго-ли? — На долго, очень ясно.

Свободу слова, право на журналъ,
Въ нашъ вѣкъ, когда кредитъ во всемъ непрочный,
Какъ драгоценный нѣкій капиталъ,
Даютъ вамъ въ долгъ, съ васъ вексель взявъ
безсрочный.

— Ну-съ, вы теперь спокойны или нѣтъ?
Вамъ кредиторъ сказать бы, встрѣтятся съ вами:
— На долго-ли? Вздохнете вы въ отвѣтъ:
На долго-ли-съ? Рѣшать извольте сами.

*) Одно изъ высокопоставленныхъ лицъ, когда вышло разрѣшеніе издавать «Искру» безъ предварительной цензуры, замѣтило издателю: «вамъ теперь дано право, которое вы искали — на долго-ли?» Слова эти вызвали предлагаемое стихотвореніе, которое печатается здѣсь именно потому, что подобный вопросъ такъ же естественно можетъ возникнуть и въ публикѣ.

Всѣ вообще писатели у насъ
Народъ неизбалованный, небурный;
Въ самихъ себѣ мы держимъ про запасъ
И ножницы и карандашъ цензурный.
Тотъ кто сберегъ, среди житейскихъ грозъ,
Въ сознаніи общественнаго долга,
Для дѣла мысль — тотъ смѣло на вопросъ:
На долго-ли? — отвѣтитъ: да, на долго.

Пока стремится общество впередъ,
Въ грядущее спокойнымъ смотритъ взглядомъ,
И сбить себя съ дороги не даетъ
Корыстнымъ и шипящимъ ретроgrадамъ,
До тѣхъ поръ въ немъ, для счастья людей,
Не можетъ быть свободной мысли тѣсно —
И, какъ залогъ грядущихъ свѣтлыхъ дней.
На долго все задуманное честно.

В. Курочкинъ.

ПИСЬМА ДОБРОЖЕЛАТЕЛЕЙ „ИСКРЫ“.

I.

Письмо съ того свѣта.

Господинъ издатель!

Извѣстясь отъ вновь прибывшихъ къ намъ съ вашего свѣта сочинителей, что отнынѣ вы станете выдавать повременное ваше сочиненіе «Искра», какъ они объяснили мнѣ «безъ предварительной цензуры» и грифованныхъ вензель, но со внесеніемъ знатной суммы (500 серебрянныхъ рублей *) (на ассигнаціи то, поди, до 10,000) залога, какъ бы въ наше время при подряхахъ на поставку муки или чего подобнаго, хотя и не разумѣлъ, въ чемъ вы для себя прибыльтокъ обрѣтаете, бо оттиснутые листы продавать будете «съ указнаго озволенія», какъ и мы у переплетчика Веge дѣлывали — всѣ же, государь мой, такъ какъ вы сему рауетесь, поздравляю васъ. Знатно вамъ, что, нынѣ, отъ уже годъ, какъ столѣтіе минуло со дня выпуска ною перваго листа сатирическаго повременнаго изданія «Трутенъ», который по чести первымъ въ Россіи считать илдежить, а не «Всякую всячину», эту вѣдунью лягуачья языка, какъ оттиснулъ въ своемъ сочиненіи «Ии сіо» Михаилъ Чулковъ, что я издателю оной господину атсь-секретарю Козицкому говорилъ уже на семь свѣи. «Трутенъ» мой, какъ ваша «Искра» — прародиль, неукоснительно вамъ совѣты свои преподаетъ.

Мы въ свое время критики другъ на друга писали, тшася уразумѣть въ чемъ сатиры состоятъ надлежало. «Мое мнѣніе весьма съ вашимъ согласно,» писалъ Правдулюбовъ (зри «Трутенъ» 1769 г. листъ XXV),

*) Знатно, что у васъ теперь серебра больше, чѣмъ въ нашемя, когда отъ денежнаго оскудѣнія въ первый разъ ассигназавели и мѣдную монету съ нарочитымъ усердіемъ битьили.

что критика на лицо больше подѣйствуетъ, нежели, какъ бы она писана на общій порокъ. Меня никто не увѣритъ въ томъ, чтобы Моліэровъ Гарпагонъ писанъ былъ на общій порокъ. Всякая критика, писанная на лицо, по прошествіи многихъ лѣтъ обращается въ критику на общій порокъ». Отъ себя къ этому присовокуплю, что многіе осмѣянные по справедливости въ нашемъ вѣкѣ на лицо, въ нашемъ суть уже общіе подлинники лихоимцевъ, худыхъ сочинителей и невѣждовъ.

Памятуя однако, что и въ нашемъ вѣкѣ многіе, какъ вы называете нынѣ, рецензенты, превратное о критикѣ понятіе имѣютъ, превыше самой правды ставя называемые эстетическія умствованія, (мы вѣдь объ такихъ и не слыхивали!) что вы, безъ сомнѣнія, лучше моего знаете, и что мнѣ изъ книги г. Афанасьева «Русскіе сатирическіе журналы» вѣдомо стало, ибо сей сочинитель многое объ насъ и о нашемъ вѣкѣ дѣльно и со знаніемъ изобразившій, разбирая оное разсужденіе Правдулюбова, говоритъ ужъ совсѣмъ недѣльно, яко бы Правдулюбовъ «слишкомъ уже расширяетъ значеніе сатиры» (Афан. «Р. сат. журн.» стр. 4), которое на мой взглядъ и въ нашемъ вѣкѣ не такъ, чтобъ ужъ весьма расширилося: памятуя при томъ, что когда такъ умствуютъ изрядные ваши сочинители, то какъ мыслить должны подвергающіеся таковой критикѣ лихоимцы, мздоимцы, также худые сочинители — такальщики знатныхъ господъ и вольнослушатели, не лишнимъ считаю преподать вамъ совѣты благоразумія.

А для сего выпишу вамъ изъ VIII листа «Трутня» что писалъ ко мнѣ Чистосердовъ, когда «Трутенъ» многія уже потерпѣлъ невзгоды, хотъ бы, на прикладъ, за вѣдомость объ одной знатной боярынь спрятавшей въ лавкѣ гостинаго двора подъ асалоупъ два мотка золотыхъ сѣтокъ, какъ она потомъ челобитную ей подавшему

купцу не только волосы выщипала и глаза подбила, да еще и кожу со спины плетью спустила: «остерегайтесь наводить свое зеркало на лица знатных бояръ и боярынь. Пишите сатиры на дворянъ, на мѣщанъ, на приказныхъ, на судей совѣсть свою продавшихъ и на всѣхъ порочныхъ людей; осмѣивайте худые обычаи городскихъ и деревенскихъ жителей; истребляйте пороки, да только не въ знатныхъ. Тогда въ сатирахъ вашихъ и соли находить будутъ больше. Здѣсь Англинской соли употребленіе знаютъ немногіе; такъ употребляйте въ ваши сатиры Русскую соль, къ ней уже привыкли. Я слышалъ слѣдующія разсужденія: въ положительномъ степенѣ или въ маленькомъ человѣкѣ воровство есть преступленіе противу законовъ; въ увеличивающемъ, т. е. среднемъ степенѣ или средостепенномъ человѣкѣ воровство есть порокъ, а въ превосходительномъ степенѣ или человѣкѣ, по вѣрнѣйшимъ математическимъ новымъ исчисленіямъ воровство ничто иное какъ слабость».

Вы вольны, государь мой, вмѣстѣ съ читателями вашими смѣяться надъ моими совѣтами и похвалиться вашими новыми порядками, судами, освобожденіемъ крестьянъ и пр. Взятость, де, у насъ нѣтъ, правда у насъ водворилась, спать можемъ спокойно. Спору нѣтъ: слава и честь вашему времени за сіи два истинно великія и для всѣхъ человѣковъ благодѣтельныя событія. Въ наше время прогрессъ, коего и имени мы не слыхивали. Но вѣдь и на солнцѣ есть пятна; можетъ, сочинители ваши ихъ не замѣчаютъ, можетъ, не хотятъ замѣчать; намъ же, какъ душамъ безплотнымъ, виднае, все что у васъ на томъ свѣтѣ творится. Вѣдь и мы полагали въ наше время не безъ основанія, что «мысли и умы, долго бывъ угнетены подъ тяжестью тайны, вдругъ, яко плотина отъ сильной водополи прорвались» (Собес. Люб. Р. Слов. ч. II стр. 137); вѣдь и мы о тогдашнихъ судахъ говаривали: «отверзаются врата еемидина храма, вступаютъ въ него минервины други, корыстолюбивый и незнающій судья трепещетъ, а достойный готовится въ новому торжеству своихъ подвиговъ»; и у насъ, даже послѣ закрѣпленія малороссійскихъ крестьянъ, въ 1786 году, то-есть за восемьдесятъ лѣтъ до освобожденія крестьянъ нынѣшнимъ монархомъ, Капнистъ возвѣщалъ въ своей одѣ на истребленіе въ Россіи званія раба: «Россія! Ты свободна нынѣ!» Нынѣ ужъ у васъ дѣти смѣются надъ нашими одами и эклогами—ей! чтобы и надъ вами не посмѣялись потомки.

Все сіе отписалъ вамъ къ тому, чтобы совѣты мои принесли вамъ пользу, ибо люди и въ вашъ вѣкъ не

суть ангелы а между сочинителями есть такіе, что и чертей хуже. Мы въ наше время обзывали въ критикахъ нашихъ другъ друга и ослами и дураками, запросто, а ваши такъ пошли писать инсинуаціями... тьфу ты, Господи, и не выговоришь! Сколько ни писалъ на меня критикъ статсъ-секретарь Козицкій во своей «Всякой Всячинѣ», онъ моего «Трутня» такъ не могъ повредить, какъ у васъ, слышно, отъ господина Каткова многія сочиненія повреждены. Онъ же, господинъ Катковъ и у насъ, отъ множества прибывающихъ съ вашего свѣта сочинителей не весьма одобряется, хотя слыветъ за великаго вѣдуна лягушечья языка.

Письмо мое оканчиваю искреннимъ желаніемъ успѣха въ вашемъ трудѣ, и чтобы изданіе ваше не только простымъ и средостепеннымъ людямъ, но и знатымъ господамъ такъ нравилось, какъ мой Трутень нравился семерымъ знатымъ боярамъ, которыхъ зналъ и помянутый Чистосердовъ. Сіи господа читать сатиры были великіе охотники и читая оныя никогда не краснѣли, для того что никогда не дѣлали того, для чего читая сатиры краснѣть должно. Не мало вамъ пользы принесетъ также, если вы, хоть на двѣнадцатомъ году вашего изданія, посвятите его какому либо меценату, что я разсудилъ за благо сдѣлать при второмъ тисненіи «Трутня» 1769 года, посвятивъ его генералу порутчику Льву Александровичу Нарышкину и при таковомъ же 1770-го, посвятивъ оный г-ну оберъ-прокурору Всеволодскому. Сими мѣропріятіями нареканія и гоненія многихъ невѣждовъ избѣжать можете. Впрочемъ, остаюсь вашъ охотный доброжелатель.

Н. Новиковъ.

Тамъ, гдѣ я нахожусь
Января 1-го дня 1870 года.

Р. С. Слышалъ я, что у васъ въ апрѣлѣ 1868 года, одинъ мой доброжелатель отписалъ въ вѣдомости, что молъ, стыдно что сочинители наши не справятъ хоть пятидесятилѣтней памяти дня моей (Новикова) смерти, такъ какъ, молъ, въ столѣтіе его рожденія (1744 года) объ немъ мало кто и зналъ въ просвѣщенномъ обществѣ, а многіе, даже изъ знатныхъ обоого пола особъ, до днесъ не вѣдаютъ. Поблагодарите сего моего доброжелателя, за его обо мнѣ память, да за одно ужъ и просвѣщенное російское общество, такъ какъ, благодаря сей забывчивости, обо мнѣ не было говорено столько дичи, сколько объ Ломоносовѣ на столѣтнемъ о кончинѣ его торжествѣ. У меня съ Михайлой Васильевичемъ отъ сего со смѣху три дня бока болѣли.

Отвѣтъ на письмо съ того свѣта.

Многоуважаемый Николай Ивановичъ.

Отвѣтомъ на ваше любезное письмо можетъ послужить статья, напечатанная въ началѣ этого нумера, который и будетъ препровожденъ къ вамъ тѣмъ непостижимымъ для живыхъ людей способомъ, которымъ вы доставили мнѣ ваше письмо*). Благоволите только сами прислать за отвѣтомъ, потому что я недоумѣваю, какъ все это произошло, хотя и радуюсь, что это произошло. «Искра» будетъ постоянно вамъ посылаться; вы, хоть время отъ времени, не оставляйте ее вашими статьями, всегда для нея полезными... Не прибавляю никакихъ любезностей, потому что мертвые, вѣроятно, разочарованы въ людяхъ болѣе чѣмъ живые и слышавшихъ того, что говорили про нихъ даже у смертнаго одра, самое искреннее слово правды принимаютъ за лесть. Также прошу васъ передать какъ вашимъ современникамъ и пріятелямъ, такъ вообще великимъ и замѣчательнымъ людямъ, которыхъ такъ много на томъ и такъ мало на этомъ свѣтѣ (чуть ли ужъ не всѣ на тотъ свѣтъ отправились), чтобы и они присылали въ «Искру» свои статьи, мемуары, афоризмы, и пр., что имъ угодно, не опасаясь нисколько за свою добрую память въ потомствѣ, потому что вѣдь действительно никто изъ живущихъ не повѣритъ, что они дѣйствительно ведутъ съ «Искрой» корреспонденцію, хотя большинство, изъ рода въ родъ по цѣлымъ тысячелѣтіямъ, вѣритъ нелѣпостямъ еще болѣе очевиднымъ. Вамъ впрочемъ, въ вашемъ страдательномъ положеніи это болѣе чѣмъ мнѣ извѣстно. Я желалъ вамъ только выразить, что съ мертвыми несравненно болѣе удобно вести истинно-человѣческія сношенія (конечно, если возможно) чѣмъ съ живыми, потому что отъ сихъ послѣднихъ сколько ни хлопоталъ я, я немогъ никогда добиться правды.

Когда вы прочтаете передовую статью, вамъ станетъ яснымъ, какимъ изъ вашихъ совѣтовъ «Искра» послѣдуетъ; тѣмъ не менѣе она вамъ за всѣ благодарна. Размышленія о современномъ прогрессѣ, о старыхъ и новыхъ людяхъ, также «о вѣкѣ нынѣшнемъ и вѣкѣ минувшемъ» въ слѣд. нумерахъ раскроютъ вамъ дѣло со всѣхъ сторонъ. Такъ что здѣсь я ограничусь краткимъ отвѣтомъ, и то только на послѣдній пунктъ вашего письма.

Во-первыхъ позвольте усомниться въ удостовѣреніи вашемъ на счетъ семерыхъ знатныхъ бояръ, «читав-

шихъ «Трутенъ» и никогда не дѣлавшихъ того, для чего читая сатиры, краснѣть должно». Меня тутъ интересуетъ вопросъ: почему вы знаете, что только семь и неужели только семь. Въ наше время несравненно большее количество знатныхъ бояръ читаютъ «Московскія Вѣдомости» — и тоже не краснѣютъ. Когда я узнаю навѣрное, какому количеству знатныхъ бояръ нравится «Искра», не премину васъ увѣдомить. Это будетъ зависѣть, впрочемъ, отъ свойства сатиры «Искры», а свойства сатиры «Искры» будутъ взаимно зависѣть отъ свойствъ этихъ самыхъ знатныхъ бояръ.

Очень сожалѣю, что не считалъ знатныхъ бояръ, которымъ нравится «Искра», съ самаго ея основанія, а то бы я, непременно воспользовался вашимъ совѣтомъ, касательно посвященія ея какому либо меценату. Теперь затрудняюсь, кому бы ее посвятить. Пожалуй, къ такому сунешься, что только бѣды наживешь. Позвольте, я считаю, какъ въ ариѳметикѣ говорится — въ умѣ. Разъ... нѣтъ, этому не посвящу.... Два... этому и подавно... Три... этотъ скажетъ, пожалуй, что «Искра» его компрометируетъ.... Четыре... этотъ самъ компрометируетъ все, что только къ нему подходитъ... Пять....

Нѣтъ, Николай Ивановичъ, не посвящу никому... потому что другіе, прочитавъ въ «Искрѣ» посвященіе Такому то, примутъ самое посвященіе прямо за сатиру на лицо, а вы мнѣ совѣтовали печатать сатиры на лицо съ осторожностью.

Кстати: объясните какъ это у васъ, безплотной души, бока болятъ отъ смѣха: вѣроятно, это не болѣе, какъ искусственный оборотъ рѣчи, свойственный вамъ, какъ сатирику, по пословицѣ: каковъ въ колыбелькѣ, таковъ и въ могилкѣ. Потому спрашиваю васъ объ этомъ, что у насъ есть нѣкто Асоченскій, который непременно отмѣтитъ въ вашемъ письмѣ это мѣсто краснымъ карандашомъ. По своимъ знакомствамъ онъ на томъ свѣтѣ страшнѣе чѣмъ на этомъ.

Примите и пр.

Издатель.

Р. S. Относительно 31-го Іюля 1868 года, спѣшу васъ увѣдомить, что въ этотъ день тѣсный кружокъ людей помнящихъ ваши заслуги, почтилъ вашу память въ дружеской бесѣдѣ объ васъ, за стаканомъ вина, безъ всякихъ тостовъ и спичей.

*) Только не распространяйте этого способа, а то по новымъ порядкамъ, придется платить страховая.

II.

Письмо подозрительнаго радикала.

Милостивый Государь!

Я убѣжденъ, что вы струсите на первомъ же номерѣ вашего журнала безъ предварительной цензуры. Знаете ли чего ждуть отъ «Искры» публика — а? Знаете ли какія ей нужны статьи — а? Нужны статьи, отъ которыхъ бы сыръ-боръ загорѣлся. Нужно, чтобъ «Искра» обратилась въ пламя и охватила всю Русь православную, съ ея инопязычными окраинами. Вы боитесь предостереженій — да вѣдь предостереженія даютъ силу журналу. Сдѣлайте такъ, чтобы вамъ за первый же номеръ было дано предостереженіе и тогда успѣхъ журнала будетъ обезпеченъ. Пусть за второй номеръ дадутъ второе — объ «Искрѣ» тогда всѣ кричать будутъ. Повѣрьте мнѣ, я вѣдь самъ, въ нѣкоторомъ родѣ, сочинитель.

Хотите, я вамъ, не выходя изъ комнаты, составлю для перваго № двѣ корреспонденціи — одну изъ Западнаго Края, другую изъ Остзейскихъ губерній; статьи эти, положимъ, не принесутъ никому ни малѣйшей пользы, въ нихъ не будетъ ничего, кромѣ общихъ мѣстъ, они не прибавятъ ни одного факта, къ тому, что уже всѣмъ извѣстно, но онѣ будутъ забористыя, зажигательныя, задираательныя, — скандалъ произойдетъ великій. Пусть сразу захлопнутъ журналъ вамъ то что; зато всѣ объ васъ говорить будутъ. Слава, чортъ, возьми, а! Знаете французскую поговорку: *après moi le deluge!*

Вашъ доброжелатель.

P. S. Я бы вообще желалъ съ вами познакомиться и обмѣняться мыслями. Я къ тому же веселый собесѣдникъ, знаю нѣсколько европейскихъ языковъ и всѣ славянскіе. Со жмудью и латышами объясняюсь такъ, что они меня за своего брата считаютъ. Какіе я знаю анекдоты про польскихъ паповъ, про ксендзовъ, про нѣмцевъ-колбасниковъ, про жиновъ съ пейсами. Главное: у меня душа на раснашку — я ненавижу абсолютизмъ, и, скажу вамъ откровенно — я красный. Жду и отъ васъ полной откровенности.

Отвѣтъ „Искры“.

Милостивый Государь!

Оставайтесь при вашемъ убѣжденіи, что мы струсимъ на первомъ же номерѣ безъ предварительной цензуры. Публика ждетъ отъ «Искры» сатирическаго журнала. Статьи, отъ которыхъ бы сыръ-боръ загорался, никому и нужны, да и сыръ боръ отъ нашихъ статей не загорится «Искра» въ пламя обратиться не можетъ и не желаетъ конкурировать съ конфетной свѣчкой передъ ликомъ г. Каткова, отъ которой, впрочемъ, нынѣ ужъ и Москва что-то не загорается. Предостереженій мы не боимся, когда дѣло идетъ о проведеніи въ общественное сознаніе мысли, которую мы считаемъ полезною, но добровольно наклеивать на себя предостереженія, для ради мнимаго успѣха, считаемъ шарлатанствомъ, недостойнымъ честнаго журналиста. Вѣримъ, что вы сочинитель въ нѣкоторомъ родѣ... Корреспонденціи намъ нужны — не отъ васъ только — и не только изъ Западнаго Края и Остзейскихъ губерній, а также съ Сѣверной, восточной и Южной Россіи, только намъ нужны корреспонденціи, которыя бы приносили обществу пользу, въ которыхъ ни подъ какимъ видомъ не заключалось бы общихъ мѣстъ, и которыя именно вносили бы новыя свѣдѣнія, необходимыя для уразумѣнія современнаго положенія того или другаго края, преимущественно съ его темныхъ сторонъ. Подобныя статейки, по самому существу своему, не могутъ быть, какъ вы выражаетесь, забористыми, именно чтобы не производить суетнаго скандала и не подвергать бесполезному риску журналъ, въ которомъ онѣ помѣщаются. Что же касается до предлагаемой вами славы, то мы предпочитаемъ короткое знакомство читателей съ нашимъ журналомъ какъ въ хорошіе его дни, такъ и въ дурные и не позволимъ себѣ, ради пустаго эффекта, жертвовать интересами подписчиковъ «Искры». — Знаете, какъ отвѣчаютъ по-французски на предложенія, подобныя вашимъ: *«parlons bas, parlons bas! Ici près-j'ai vu Judas»*.

Готовая къ услугамъ,

«Искра».

P. S. Кажется, мы достаточно познакомились и обмѣнялись мыслями. Затѣмъ, ваши анекдоты объ нѣмцахъ-колбасникахъ, жидахъ и полякахъ поберегите для тѣхъ газетъ, которыя ими не погнушаются и такъ какъ вы объявили, что вы красный — покраснѣйте еще, если можете.

III.

Анонимное письмо.

*Милостивый Государь,**Господинъ Редакторъ!*

Одинъ доброжелательный голосъ хотѣлъ давно вамъ высказать слѣдующее *):

... вы начнете выпускать «Искру» безъ политипажей и безъ предварительной цензуры, но что выйдетъ изъ этого послѣ, знаете ли вы? То, что журналъ вашъ не будетъ охотно читаться публикою, привыкшею видѣть его иллюстрированнымъ, печатной же э(е)рунды и безъ того довольно, и кого вы надѣетесь заинтересовать однимъ текстомъ своимъ. Неужто вы думаете, что большинство вашихъ читателей—читало**) дѣйствительно «Искру» когда нибудь и находило ее занимательной съ литературной стороны? Какое заблужденіе! Картинки, каррикатуры и подписи подъ ними, вотъ на что бросалась масса публики, развертывая вашъ журналъ, за столомъ въ трактирѣ, въ вагонѣ желѣзной дороги и дома — послѣ обѣда, да передъ почнымъ сномъ въ постелѣ(и)... Это разъ, что отнявши картинки, нравящія(я)ся дѣтямъ (читай—русской публикѣ). Вы отнимите главнѣйшій интересъ у вашего журнала, именно каррикатурной части всего болѣе обязаннаго успѣхомъ своимъ...

Потомъ, развѣ можно издавать въ Россіи сатирическій журналъ безъ предварительной цензуры вообще . . .

... ***) Надо признаться, заклятый врагъ не могъ бы придумать болѣе вѣрной мѣры погубить Васъ, какую Вы сами изобрѣли для себя, выходя изъ подъ предварительной цензуры. Удивительно, какъ не практиченъ литературный кругъ вообще, да будьте же людьми улицы, площади, людьми толпы, однимъ словомъ, а не высиженными яицами на литературной насѣдкѣ...

Вашъ искренній доброжелатель временно пребывающій въ Москвѣ.

*) Письмо это получено нами еще въ сентябрѣ прошлаго года. Оно анонимное. Въ заголовкѣ его значится: «20 Сентября 1869 года, Москва безъ золотой маковки за снятой главой съ Ивана Великаго. Приберегите это письмо, когда нибудь авторъ напомнитъ Вамъ о себѣ при удобномъ случаѣ». (Извольте-съ прибережемъ.) Послѣ первыхъ двухъ строкъ, приведенныхъ выше, выпускаемъ ненужное начало письма и переходимъ прямо къ дѣлу. Также точно и далѣе выпущенныя нами мѣста изъ письма означены точками.

**) Слова отличенныя въ подлинникѣ подчеркнуты.

***) Выпущено болѣе страницы.

Отвѣтъ на анонимное письмо

Милостивый Государь!

Анонимныя письма вообще рвутся; иногда, если содержаніе ихъ особенно важно, ихъ принимаютъ къ свѣдѣнію, иногда онѣ поступаютъ въ коллекціи курьезовъ; вообще же ихъ принято считать подозрительными, потому что, согласитесь, люди, являющіеся подъ масками съ заявленіями и сообщеніями, иногда очень важными, не могутъ внушать къ себѣ полного довѣрія, хотя бы на маскахъ ихъ и было написано: искреннее доброжелательство, нелицемѣрная преданность и т. п.

Я бы не отвѣчалъ и на это ваше письмо, хотя бы и могъ съ нѣкоторою достовѣрностью обратиться именно въ ту сторону, откуда оно исходитъ, судя по нѣкоторымъ, не приведеннымъ здѣсь мѣстамъ письма и по напоминанію вашему о знакомствѣ со мною въ первые года изданія «Искры» (для читателей это не занимательно), если бы та часть письма вашего, которая здѣсь напечатана, не представляла нѣкотораго интереса для публики, именно для публики «Искры».

Не давая развитія своимъ догадкамъ, такъ какъ я, можетъ быть, ошибаюсь, а потому вообще не позволяя себѣ сомнѣваться въ искренности вашего доброжелательства, буду вообще отвѣчать вамъ только на эту часть вашего письма.

Вы, милостивый государь, принимаете на себя роль депутата со стороны большинства читателей «Искры». Закрывъ свое собственное лицо непроницаемою маскою, вы докладываете отъ лица этого большинства, что оно никогда не читало «Искры» и, *не читая*, находило ее занимательной съ литературной стороны; далѣе, расширяя ваше представительство, вы утверждаете, что масса публики бросалась только на картинки и подписи въ «Искрѣ», и наконецъ, все-таки не снимая маски, провозглашаете, что я теперь отнялъ главнѣйшій интересъ у журнала и при этомъ обвиняете въ ребячествѣ всю публику поголовно.

Вы придали такой общій характеръ вашему заявленію, что я счелъ обязанностью его напечатать.

Да, милостивый государь, я отнялъ главнѣйшій интересъ у своего журнала, для той публики, которая, какъ вы нѣсколько необдуманно выражаетесь, никогда не читала «Искры» и при этомъ находила ее съ литературной стороны не занимательною, для той публики, которой нужны картинки и подписи подъ ними, каковы бы ни были и тѣ и другія, и которой совершенно неизвѣстно какое значеніе имѣетъ политическая карикатура въ Ев-

ропѣ и въ какомъ положеніи вслѣдствіе разныхъ причинъ, находится у насъ вообще карикатура, какъ отрасль искусства. Этой публикѣ, разумѣется, нечего объяснять, что въ Россіи политики-Домье положительно невозможны, юмористы Камы что-то не часто встрѣчаются, а граціозные Гревэны вовсе не существуютъ, эта часть публики (замѣтите: часть) дѣйствительно обрѣтается въ младенчествѣ и если я, можетъ быть, и былъ для нея, противъ своей воли, игрушечныхъ дѣлъ мастеромъ, то сознательно быть таковымъ не желаю.

Но есть, милостивый государь, другая публика, которая со временъ императрицы Екатерины II читала сатирическіе журналы, въ которыхъ не было никакихъ картинокъ, слѣдовательно ровно сто лѣтъ тому назадъ уже не была ребенкомъ, а теперь, надо думать, порядкомъ таки возмужала, для которой «Трутни» и «Живописцы» печатались вторыми изданіями, которая въ позднѣйшія царствованія, когда не было сатирическихъ журналовъ, дѣйствительно прежде всего бросалась въ тогдашнихъ временныхъ изданіяхъ на статьи сатирическаго характера, которая, тринадцать лѣтъ тому, въ громадномъ количествѣ подписывалась на «Весельчакъ» полагая найти въ немъ потребную времени сатиру и на слѣдующій же годъ отъ него отшатнулась, встрѣтивъ на страницахъ его одно балагурство, хотя картинки «Весельчака» выполнялись весьма добросовѣстно лучшими нашими художниками. Эта публика, отшатнувшаяся отъ «Весельчака» съ его художественными картинками, обратилась къ «Искрѣ» и доднесъ ее не оставляетъ своимъ вниманіемъ; эта публика зачитывалась «Свисткомъ» Добролюбова; эта

публика въ нынѣшнихъ толстыхъ журналахъ прежде всего разрѣзываетъ статьи современныхъ сатирическихъ писателей, понимая сатиру въ ея серьезномъ значеніи и этой-то публикѣ будетъ служить «Искра», на сколько хватитъ ея силъ и умѣнья.

Какъ бы сознавая несостоятельность вашихъ доводовъ, вы спрашиваете дажѣ: развѣ можно издавать въ Россіи сатирическій журналъ безъ предварительной цензуры? Отчего-же нѣтъ, милостивый государь? Если можно печатать сатирическіе очерки, стихотворенія и фельетоны въ безцензурныхъ газетахъ и журналахъ, я не вижу почему нельзя издавать журналъ, весь составленный изъ такихъ очерковъ, стихотвореній и фельетоновъ. Я вамъ опять таки сошлюсь на Екатерининскій вѣкъ, когда не существовало предварительной цензуры, и сатирическіе журналы процвѣтали, а въ нѣкоторыхъ даже участвовала сама императрица и лица къ ней приближенныя. Не допускаю также и мысли, чтобы кто нибудь задавался мыслью погубить «Искру», тѣмъ болѣе, что еще очень недавно, одинъ изъ журналистовъ, не особенно расположенный къ ней издателя ея называлъ «добродушнѣйшимъ изъ журналистовъ.» А на счетъ того, чтобы сдѣлаться людьми улицы, площади—упаси Господи, милостивый государь! Что мы станемъ дѣлать на площади, мы, кабинетные труженники, скромные юмористы скромной русской литературы. Послѣдней вашей укоризны мы даже не понимаемъ.

Благодаримъ за ваше доброжелательство.

Издатель.

ПРОКЛЯТЫЕ ВОПРОСЫ.

На проклятые вопросы
Дай отвѣты мнѣ прямые.
Г. Гейне.

ЕВРОПЕЕЦЪ.

Дикарь! Тебѣ мила свобода
Твоихъ лѣсовъ, твоихъ степей,
Но что и воля для народа,
Хоть и не носитъ онъ цѣпей,
Когда онъ дикъ, какъ и природа
Его пустынь... Онъ тотъ же рабъ,
Онъ рабъ невѣжества, преданья;
Онъ также немощенъ и слабъ,
Какъ и младенецъ, въ дѣлѣ знанья.

Пася въ лугахъ свой стада,
Онъ самъ пасется, словно стадо...
Скажи, ужели никогда
Мысль не влекла тебя туда,
Гдѣ возвышается громада
Богатыхъ фабрикъ, городовъ,
Гдѣ силой творческихъ трудовъ
За чудомъ въ міръ являлось чудо
Ума пытливаго; откуда
Ты не уйдешь побывшій разъ?...
Такъ брось кибитку кочевую.
И долю предковъ вѣковую.
Иди со мной!...

ДИКАРЬ.

А есть у васъ, —
Надѣюсь, нѣтъ — голодныхъ нищихъ?

ЕВРОПЕЕЦЪ.

Да гдѣ-жъ ихъ нѣтъ! Въ иныхъ жилищахъ
Царить такая нищета,
Что страхъ смотрѣть... Но занята
Зато судьбою ихъ печальной
Наука; много дѣльныхъ книгъ
Явилось въ прессѣ социальной.
И если-бъ каждый бѣдный вникъ —
Съ какою ревностью похвальной
Пустились всѣ о немъ писать,
То онъ благословилъ бы небо...

ДИКАРЬ.

И умеръ съ голоду, безъ хлѣба,
Не зная гдѣ его достать.

ЕВРОПЕЕЦЪ.

Да, въ нищетѣ не мало зла
На всей землѣ... За то прогрессъ-то
Вездѣ каковъ! Въ Европѣ мѣста
Ты не найдешь, гдѣ-бъ не прошла
Теперь желѣзная дорога,
Въ часъ, — да и то, пожалуй, много, —
Вѣсть перешлешь ты въ Новый Свѣтъ
Къ американскому банкиру.
Каналъ прорыли въ пять—шесть лѣтъ
Межъ двухъ морей, на диво міру...
Девизъ нашъ — миръ, намъ ближній — братъ;
Живемъ мы тихо, нетревожно.

ДИКАРЬ.

Такъ, значитъ, нѣтъ у васъ солдатъ?

ЕВРОПЕЕЦЪ.

Да развѣ жить безъ нихъ возможно?
За то съ врагомъ мы въ бой пойдемъ —

Окончимъ съ славою войну ту:
Вѣдь подъ игольчатымъ ружьемъ
Шесть—семь враговъ падетъ въ минуту...
Затѣмъ, нашъ судъ правдивъ исполнѣ,
Въ своей семьѣ не знаемъ бурь мы....

ДИКАРЬ.

А есть у васъ въ Европѣ тюрьмы?
Сперва отвѣтъ на это мнѣ.

ЕВРОПЕЕЦЪ.

Есть, и построекъ самыхъ прочныхъ,
Различныхъ видовъ и системъ:
Для заключеній «одиночныхъ»,
Иль такъ, чтобъ можно было всѣмъ
Сходиться вмѣстѣ арестантамъ.

ДИКАРЬ.

А ваши жены каковы?
У нѣмцевъ, чтоль, у англичанъ тамъ,
Онѣ свободны, какъ и вы?

ЕВРОПЕЕЦЪ.

Онѣ у насъ свободны лично,
Хотя не дѣлятъ нашихъ правъ,
Что быlobъ вовсе не логично,
Но міръ веселья и забавъ
Для нихъ открытъ, и мы отлично
Женъ одѣваемъ, холимъ женъ;
Онѣ нарядны и богаты.

ДИКАРЬ.

Иди же прочь отъ дикаря ты!
Тебѣ влохой товарищъ онъ.
Иди къ блистательнымъ жилищамъ,
Къ своимъ солдатамъ, тюрьмамъ, нищимъ,
Куй позолоченную цѣпь
Женѣ — наложницѣ, рабынѣ,
А я уйду съ кибиткой въ степь,
Я васъ свободнѣе въ пустынѣ.

Дмитрій Минаевъ.

ЗАСЛУГИ МИНУВШАГО 1869 ГОДА.

I.

Минувшій 1869 годъ тѣмъ замѣчательнъ, что, въ теченіе его, начиная съ перваго мѣсяца до послѣдняго,

въ различныхъ слояхъ и подраздѣленіяхъ нашего общества, все болѣе и болѣе развивалось, усвоивалось и укоренялось самоуправленіе, введенное еще такъ недавно, что нѣкоторые слои общества сомнѣвались даже,

введено—ли оно, полно, или нѣтъ. Коренные жители городов сомнѣвались, выйдетъ-ли какойнибудь толкъ изъ того, если они въ головы себѣ выберутъ, вмѣсто именитаго купца или лабазника, какогонибудь знатнаго дворянина изъ фамиліи княжеской. Земство сомнѣвалось въ томъ, частное—ли оно учрежденіе, или, отчасти, казенное, и въ томъ еще: постоянно-ли его ходатайства будутъ оставаться безъ всякаго отвѣта, или иногда, хотя изрѣдка, будутъ присылаться отказы? На дворянство напало сомнѣніе, что оно такое въ настоящее время: учрежденіе—ли какое, корпорація, или просто такъ себѣ? Духовенство, съѣжавшееся до минувшаго года на выборы благочинныхъ, получивши за усердіе по нѣсколькимъ строгимъ выговорамъ отъ своихъ владыкъ, тоже сильно начало сомнѣваться, не преступленіе—ли оно, полно, совершаетъ, затрогивая отцовъ благочинныхъ, считавшихся до сей поры какъ-бы передаточными органами воли владычной. Наконецъ, и крестьянство сильно стало недоумѣвать, можно—ли ожидать проку какого отъ ихъ, чисто сословныхъ, судебныхъ и административныхъ учреждений, въ особенности съ той поры, когда сапожковскій помѣщикъ, Кошелевъ, въ своей книгѣ „Голосъ изъ Земства“, какъ дважды два—четыре, доказалъ, что „всѣ крестьянскіе начальники—воры, пьяницы и мошенники“.

Однимъ словомъ, недоумѣніе и сомнѣніе господствовало всеобщее, и заслуга только что минувшаго 1869 года заключается именно въ томъ, что, въ теченіи его, многое, очень многое разъяснилось и освѣтилось, хотя, разумѣется, нельзя не сказать и того, что многое все таки такъ и осталось темнымъ и, повидимому, непроницаемымъ, чего, впрочемъ, смѣшно было-бы и требовать. Что-же-бы, спрашивается, стали мы дѣлать въ 1870 году, если-бы отъ минувшаго года рѣшительно ничего не осталось темнаго и непонятнаго? Тогда-бы, поневолѣ, намъ опять привелось спать ложиться, а наше общество этого не хочетъ: оно, видимо, желаетъ одеревенѣвшія свои руки и ноги расправить, на сколько просторъ гробообразной, дѣтской кровати позволить.

Мы до сей поры излагали только общій взглядъ на дѣло. Войдемъ теперь въ частности, и разъяснимъ читателю, что именно какое изъ подраздѣленій нашего общества поняло въ минувшемъ 1869 году, и что остается каждому понять въ 1870, 1871 и т. д. годахъ?

Жители городовъ, или, по преимуществу, граждане (гражданъ, въ настоящемъ значеніи этого слова, впрочемъ, у насъ нѣтъ, а есть только почетные граждане, напр. Мазуринъ—московскій, извѣстный читателю изъ судебныхъ протоколовъ, и т. п.) поняли, что выбирать себѣ въ головы господина изъ хорошей дворянской фамиліи несравненно выгоднѣе, чѣмъ какогонибудь лабазника съ нехорошей фамиліей, въ родѣ напр. Кондырина или Загибалова. Разумѣется, на весь свѣтъ

не угодишь. Вездѣ найдутся Собакевичи, которые будутъ твердить, что тотъ—де воръ, а тотъ мошенникъ, и что теперь сдѣлалось хуже прежняго; но мы этихъ людей въ расчетъ и не беремъ, хотя ихъ пропасть. За то лучшіе граждане очень хорошо поняли, что подъ защитой крѣпкой и сильной головы (или, вѣрнѣе, крѣпкаго сильнаго головы) много можно сдѣлать такого, что прежде, при трусливыхъ Кондыриныхъ, было просто немислимо, такъ какъ напуганнымъ Кондыринымъ и самимъ во хмѣльномъ снѣ слишкомъ часто грезилось, что ихъ вотъ—вотъ сейчасъ начнутъ драть. Многимъ изъ старожиловъ нѣкоего отдаленнаго города и теперь еще памятно, какъ, въ давноминувшія времена, одинъ изъ такихъ Кондыриныхъ пострадалъ, единственно за то, что вздумалъ оградить права своихъ согражданъ какою-то сто-тысячъ-первою статьею шестидесятаго раздѣла, десятаго тома свода законовъ.

— Какъ ты смѣешь, каналья?—грозно зарычалъ начальникъ.

— На основаніи сто-тысячъ-первой статьи, десятаго тома, шестидесятаго раздѣла, ваше превосходительство!

— Принести книгу!..

Принесли книгу.

— Кажі!

— Вотъ, изволите видѣть, ваше...

— Дава-ка сюды!

— Вотъ тебѣ сто—тысячъ—первая! Вотъ тебѣ сто—тысячъ—первая! Вотъ тебѣ шестидесятый раздѣлъ! — отрывочно произносилъ разсвирѣпѣвшій воинъ, ударяя, при каждой отрывочной фразѣ, толстущей книгой по головѣ голову, которому, еле-живому, удалось только вырваться изъ чертога. Какъ нарочно, и книга—то гражданскихъ законовъ толще и тяжелѣе, чѣмъ другія, такъ что выгоднѣе ужъ было защищать уголовныя права согражданъ, чѣмъ гражданскія. Впрочемъ, битый голова бросилъ послѣ этого происшествія и тѣ и другія, да, вдобавокъ, и со стороны согражданъ подвергся насмѣшкамъ и лишился всякаго уваженія. „Битый, битый идетъ!“ — кричали, тыкая пальцами, тѣ изъ согражданъ, которыхъ еще не били.

Теперь ужъ этого нѣтъ, да и быть не можетъ при такомъ головѣ, при одномъ взглядѣ на котораго каждый гражданинъ изъ черной сотни уже трепещетъ, какъ листъ осинный и думаетъ про себя: кто-жъ тебя, батюшка, обидитъ? Теперь въ городскія головы избирается обыкновенно человѣкъ важный, образованный, какъ европеецъ, изъ аристократической фамиліи, даже самоуправленіе-то изучившій на практикѣ, въ западной Европѣ, преимущественно въ Англіи. Въ головѣ у него такъ вотъ и кипитъ, какъ раки въ садкѣ на Фонтанкѣ, различныя улучшенія. Задумчиво ѣдетъ онъ въ своей коляскѣ по пустыннымъ, вонючимъ улицамъ ввѣреннаго его заботамъ города, смотреть на безконечно-тянушіеся деревянные заборы, залитые до половины снизу

какой-то мерзостью, а въ воображеніи его рисуются въ это самое время блестящая Вѣна или восхитительный Парижъ, передъ которымъ даже самъ Петербургъ—не больше, какъ инвалидъ-будочникъ уѣзднаго городишка предъ петербургскимъ, современнымъ намъ, городовымъ. Вотъ здѣсь — думаетъ мечтательный голова, проѣзжая мимо неогороженного пустыря, заваленнаго и загаженного навозными кучами, — здѣсь не худо-бы поставить какую нибудь колонну, въ родѣ Вандомской. Вотъ здѣсь не худо-бы воздвигнуть тоже, для симметріи, памятникъ, хотя-бы въ византийскомъ стилѣ, въ честь какого нибудь историческаго событія: какого-бы только? Ну, это вздоръ, пустяки, затрудниться нечего! У насъ есть Погодинъ, есть Семеvскіе: стоитъ только заказать—и они сейчасъ-же на это мѣсто укажутъ и докажутъ, что именно здѣсь было то-то и тогда-то; да, наконецъ, развѣ, въ самомъ дѣлѣ, не могло на этомъ, теперь загаженномъ небрежностью нашей, мѣстѣ, завтракать или закусывать какое нибудь лицо, знаменитое въ лѣтописяхъ нашей исторіи? Вѣдь извѣстно, что не было никакой княжны Таракановой, а развѣ наши серьезные историки не указываютъ на десятки мѣстъ, на которыхъ она погребена? Далѣе мечтаетъ голова о блестящихъ пассажирахъ съ хрустальными сводами, которые-бы замѣнили наши гнусные гостинные дворы, и, не менѣе гнусныя, палатки, съ разложенною въ нихъ всякой дрянью и вѣтошью... Внезапно только, при какомъ нибудь, слишкомъ ужъ значительномъ ныркѣ, или бревнѣ, попавшемъ подъ колеса экипажа, мечтательный голова выходитъ изъ самозабвенія и видитъ, что мчится онъ не по блестящимъ, съ зеркальными стѣнами улицамъ Вѣны и Парижа, а просто по какой нибудь Дербеновкѣ, или по сквернѣйшей изъ всѣхъ улицъ, сквернаго и въ цѣломъ, губернскаго города...

Изъ цѣлой огромной массы грезъ и мечтаній, внезапно вышибеннымъ бревномъ, въ головѣ у головы крѣпко остается, однако же, малая ихъ частица и скоро осуществляется на дѣлѣ, такъ какъ каждому, сидящему на непрочно и ненадежномъ мѣстѣ, чѣмъ нибудь да хочется ознаменовать періодъ своего самоуправления. „Господа, я считаю необходимымъ снести всѣ эти скверные балаганы съ площади, которая должна служить нашему городу украшеніемъ, если она опустѣетъ“—продолжаетъ голова въ засѣданіи общей думы. „Скверные, вонючія палатки со стѣснымъ и всякой дрянью я предлагаю — немедленно приказать перевезти, или — тамъ, какъ они хотятъ — куда нибудь подальше, хоть за городъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, въ этихъ, лучшихъ частяхъ нашего города, намъ не срамиться предъ заѣзжими иностранцами, которые и то, Богъ знаетъ, что про насъ говорятъ!“

„Мы согласны! Это совершенно вѣрно!“—урчатъ ближайшіе къ головѣ гласные, изъ которыхъ, разумѣется,

ни у одного нѣтъ дрянной палатки, у каждаго каменные палаты.

— Но, позвольте, г. предсѣдатель, — замѣчаетъ одинъ изъ гласныхъ, изъ породы мягкосердечныхъ: вѣдь съ торгующими въ палаткахъ дума заключила контрактъ до новаго года: развѣ мы имѣемъ право разрушить контрактъ ранѣе срока?

Между гласными подымается ропотъ. Многие бросаютъ на протъ станта свирѣпыя взгляды, желая, въ то же время, чтобы эта, временная ихъ свирѣпость, была замѣчена предсѣдателемъ. Иные улыбаются саркастически и пожимаютъ плечами. Третьи, наконецъ, по лошадиному покачиваютъ головами и шепчутъ другъ другу: „Экой, вѣдь, спорщикъ какой, этотъ Иванъ Ѳедорычъ! Ну, какъ можно? какъ можно?“

— Дума имѣетъ право нарушать контракты—громко произносить одинъ изъ добровольныхъ адвокатовъ предложенія головы, —если видить, что назначенныя къ сноскѣ строенія грозятъ опасности близъ стоящимъ зданіямъ...

— Но, позвольте, какая-же кому опасность отъ палатокъ съ холодной печенкой, селезенкой, колбасъ изъ коровьихъ кишекъ и т. п.?.. Палатки эти стоятъ на одномъ мѣстѣ десятки уже лѣтъ и никому вреда не принесли, слѣдовательно...

— Господа! Кто согласенъ, кто не согласенъ? Опредѣлимъ это встаніемъ и сидѣніемъ. Кто съ нами мѣнѣе согласенъ, тѣхъ прошу сидѣть!

Оказывается, что сидятъ всѣ, за исключеніемъ одного, сконфуженнаго, который и раньше стоялъ. Всѣ сидящіе улыбаются... „О печенкѣ началъ толковать, о кишкахъ!“—съ хохотомъ переговариваются послѣ гласные, отплеываясь. „Либераль тоже!“

— Го пода, по мѣстамъ! раздается голосъ предсѣдателя, сопровождаемый звонкомъ. Почтенный гласный, нашъ знаменитый ученый, желаетъ вамъ что-то сказать!

— Граждане великой земли русской! — приступаетъ ораторъ къ своей рѣчи, едва только гласные, не успѣвшие еще прожевать хорошенько закуски изъ буфета, разсаживаются по мѣстамъ. — Близъ нашего славнаго города находится, знаменитое въ лѣтописяхъ нашей исторіи, мѣсто. На этомъ мѣстѣ когда-то, нѣсколько часовъ сряду, стояла наша побѣдоносная армія во время своего знаменитаго отступленія отъ непріятели. Здѣсь-же, въ небольшомъ кирпичномъ домикѣ, изволилъ закусывать нашъ знаменитый полководецъ (ораторъ подробно исчисляетъ закуски, какія подавались знаменитому полководцу). Домикъ сей перешелъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ собственность города, но сгорѣлъ въ томъ же году, въ которомъ перешелъ. Я предлагаю, о, сограждане, построить на мѣстѣ этого разрушеннаго домика, колокольню, да, сверхъ того, соорудить часовню на такомъ-то мосту. (Мостъ этотъ, оказывается, находился, совсѣмъ не въ томъ даже мѣстѣ, гдѣ стоялъ домикъ).

— Зачѣмъ-же это на мосту-то еще часовню?—Спрашиваютъ, въ недоумѣніи, нѣкоторые гласные, но, при недоброжелательныхъ со всѣхъ сторонъ взглядахъ, умолкаютъ.

— Господа! — произносить другой гласный — мысль устроить колокольню и часовню на мосту — безспорно, мысль прекрасная. Она могла зародиться только въ головѣ такого знаменитаго ученаго, каковъ и есть нашъ почтенный согражданинъ; но позвольте мнѣ сообщить и свою мысль объ отысканіи денежныхъ средствъ, необходимыхъ для удовлетворенія нашихъ, въ настоящее время, благодареніе Богу, очень широкихъ патріотическихъ потребностей...

— Слушайте, слушайте!—гуломъ раскатывается между гласными.

— Господа! У насъ, подь самымъ городомъ, находится огромное количество выгонной земли. Земля эта сначала впускъ лежала, потомъ, года три тому назадъ, дума раздала ее, по участкамъ, нашимъ мѣщанамъ, за небольшую плату. Мѣщане, рассчитывая придержать эту землю лѣтъ на десять и больше, ничего не щадя на сея удобреніе, такъ что до сего времени выгодъ никакихъ еще не получили отъ своихъ, превосходно-обработанныхъ огородовъ; рассчитывая на будущія блага... (Слушайте, слушайте!)

— Въ текущемъ году, милостивые государи, въ нашъ городъ прибыло множество разныхъ инородцевъ, преимущественно изъ грековъ, и, восхитившись прекрасно-удобренными огородами, предлагаютъ думѣ, чтобы она отняла теперь, дешево-отдаваемую землю, отъ нашихъ мѣщанъ, и передала ее имъ, втрое, или вчетверо дороже...

(Нѣкоторые гласные потираютъ рука объ руку, въ знакъ удовольствія).

— Руководствуясь единственно основными, научными правилами политической экономіи, по которымъ неразумно брать дешево тамъ, гдѣ представляется случай брать дороже (браво, браво! bis!); я предлагаю Думѣ немедленно отобрать огороды отъ мѣщанъ нашего города, и передать ихъ грекамъ. Гдѣ, милостивые госу-

дари, предвидится польза общественная, тамъ нечего щадить интересы какихъ нибудь трехъ-четырехъ-тысячъ семействъ частныхъ лицъ...

Гласные въ восторгѣ, рукоплещутъ и утверждаютъ предложеніе. Въ уныніи остаются только лишь нѣсколько частныхъ лицъ, которые, разумѣется, ничто предъ обществомъ.

Я долженъ сознаться предъ читателемъ, что приведенные мною случаи и рѣчи, будто бы произносившіяся въ какой-то Думѣ, придуманы лично мною; но нельзя, однакоже, утвердительно сказать, будто у насъ ничего до сей поры и похожего на приведенное не было. Если читатель потрудится припомнить (конечно, читатель, слѣдившій за газетами и журналами минувшаго года) цѣлый рядъ статей въ московскихъ газетахъ, выражавшій собою плачь и отчаяніе московскихъ сухаревскихъ и зарядьевскихъ торговцевъ, которымъ Дума немедленно приказала уносить свои лавки, куда они хотятъ, хоть въ карманахъ,—то онъ согласится, что все, приведенное мною, вовсе не принадлежитъ къ области праздно-фантазій. Кстати ужъ, нужно замѣтить, что споръ объ огородахъ и отнятіе ихъ у мѣстныхъ мѣщанъ,—происходили въ городѣ Одессѣ, что видно изъ опубликованныхъ журналовъ Одесскаго городского управленія.

Итакъ, я имѣлъ полное право сказать, что въ минувшемъ, 1869 г., характеръ нашего городского управленія успѣлъ опредѣлиться довольно рѣзко. Думы наши, какъ видно, очень хорошо поняли, въ чемъ именно должно заключаться наше русское самоуправленіе, такъ что, есть надежда, это новое еще у насъ слово — совершенно обрусѣетъ очень скоро. Конечно, смыслъ этого слова понять покуда еще только самими Думами, а массы гражданъ изъ черной сотни только лишь охаютъ, плачутъ и толкуютъ, что нужно куда-то бѣжать,—но вѣдь нельзя-же, чтобы въ такое короткое время рѣшительно ничего и ни для кого не осталось темнаго, неразъясненнаго: что-же, спрашивается, стали-бы, въ такомъ случаѣ дѣлать въ 1870, въ 1871 и слѣдующихъ годахъ?

(Продолженіе будетъ).

СО ДНЯ НА ДЕНЬ.

(ЗАПИСКИ ДЬЯВОЛА).

Бѣсы, оклеветанные человечествомъ. — Истинный характеръ демонизма и нѣсколько словъ о всемірной исторіи. — Вступительные стансы дьявола. — Нѣчто о сибирскомъ котѣ и русскомъ стихотворцѣ. — «Моск. Вѣдомости», какъ купель очищенія. — Полицейскій свистокъ г. Каткова и отрѣченіе отъ послѣдняго автора «Отцовъ и дѣтей» — «Спасители отечества» и

«благодѣтели». — Новый органъ «Благотворительность» и его цѣль и назначеніе. — Нѣсколько словъ о Ц. Кюи, Жандрѣ, Марковѣ и Альферьевѣ. — Новая постановка «Горе отъ ума» и г. Нильскій въ Чапкомѣ. — Перерожденіе клуба художниковъ.

Прежде всего, погодите, господа, пугаться... Чортъ

не так страшень, какъ его малюютъ. Не забудьте, что такъ его малевали сами же люди, навязывая ему безобразіе собственнаго зла, собственныхъ пороковъ. Въ бѣсѣ люди всегда любили изображать идеалъ людскихъ недостатковъ, черныхъ помысловъ и злодѣяній.

Великій знатокъ нашей демонической расы русскій поэтъ Лермонтовъ, хотя довольно легкомысленно описывалъ демона, какъ мелкаго Ловеласа, соблазняющаго глупенькихъ Тамаръ, но все же рисовалъ его не совсѣмъ черными красками и не соглашался съ тѣмъ, что —

Бѣсовъ вообще рисуютъ безобразныхъ...

Говоря о внѣшнемъ видѣ своихъ собратій, я смѣло могу увѣрить васъ, милостивые государи, что въ красотѣ и изяществѣ мы не уступимъ актеру Пронскому. Упомянувъ вообще о нашихъ внутреннихъ качествахъ, я долженъ признаться, что каждый бѣсъ, въ томъ числѣ и вашъ покорнѣйшій слуга, сочтетъ себя крайне оскорбленнымъ, если его станутъ сравнивать съ любымъ изъ людей, даже съ лучшими изъ нихъ.

Нужно сказать правду: родъ человѣческій до такой степени испортился и развратился, что даже на цивилизацію и умственный прогрессъ смотритъ, какъ на декорации, которыми онъ прикрываетъ свои неблаговидныя дѣянія и часто очень грязные поступки. Онъ придумалъ филантропію, чтобы скрывать подъ нею свою черствость и узкое филистерство; свое умственное убожество и неподвижность мысли онъ заслоняетъ громкими либеральными фразами, взятыми на прокатъ, какъ маскарадное домино; свой цинизмъ и растлѣніе нравовъ человѣкъ прячетъ подъ новый общественный догматъ, называемый „соблюденіемъ приличій“. Исторія человѣчества отъ времени всемірнаго потопа до „Всемирной иллюстраціи“ г. Гонпе, есть непрерывная исторія всевозможныхъ злодѣяній, удивительныхъ парадоксовъ или гениальныхъ глупостей. Одинъ великій деспотъ, давившій людей, какъ таракановъ, проливалъ слезы всякій разъ, когда печально наступалъ ногою на мокрицу. Гласность, эта великая общественная сила, переродилась въ возмутительный доносъ и названіе доносчика уже не позорно для человѣка. Торгаши печатнаго слова и мысли являются издателями различныхъ „Revue“ — каламбуръ не совсѣмъ свѣжій, но за то совершенно идущій къ дѣлу, если мы вспомнимъ, что „Revue“ на французскомъ языкѣ означаетъ обозрѣніе, а также и „обискъ“. Блюстители чистоты и изящества слога, потому и стоятъ за него, чтобы прикрывать имъ циническія мысли. Древній мой предокъ, Мефистофель въ „Фаустѣ“ старика Гёте, сказалъ великую истину, что „цѣломудренныя уши людей не любятъ слушать того, безъ чего не могутъ обойтись ихъ цѣломудренныя сердца...“

Повѣрьте же, господа, что бѣсъ, появившійся въ средѣ

живущаго человѣческаго общества, покажется теперь людямъ — добрымъ простякомъ, довольно смѣшнымъ идеалистомъ, вызывающимъ улыбку всякаго практическаго дѣятеля. Бѣсъ не въ состояніи унизиться до человѣка и вотъ за что, вѣроятно, люди такъ не любятъ его, и такъ много на него клеветуютъ...

Я бѣсъ, господа люди, и узнавши хорошо васъ, я горжусь теперь своимъ адскимъ происхожденіемъ. Я говорю искренно, потому что ложь свойственна только однимъ обитателямъ изогнавагося земнаго шара.

Попавъ случайно на планету,
Гдѣ торжествуетъ зла прогрессъ,
Я, изучивъ планету эту,
Сталъ чтить себя, какъ кровный бѣсъ.
Я только бѣсъ, и если бѣ въ шкуру
Я человѣка только вѣвзъ,
То тѣмъ бѣсовскую натуру
Я-бѣ оскорбилъ... Я честный бѣсъ...

* * *

Я съ содроганіемъ рисую
Типъ человѣка позднихъ лѣтъ
И передъ нимъ вполне пасую:
Во мнѣ его пороковъ нѣтъ.
Палачъ идеи въ наши годы
Среди людей имѣетъ вѣсъ
Но врагъ доносовъ, другъ свободы,
Я не палачъ; я только — бѣсъ!..

* * *

Какъ журналистъ, до клеветы я
Вѣкъ унижаться не привыкъ,
И деньги, кровью добытыя,
Я не сосу, какъ ростовщикъ.
Предъ богачемъ въ его прихожей
Я не сгибаюсь въ букву есъ,
Я самъ гляжу на всѣхъ вельможей,
Я людямъ чуждъ, я кровный бѣсъ.

* * *

Я въ вистъ сыиграю каждый робберъ
Безъ передержки шуллеровъ;
И не ломаю людямъ реберъ
Я по системѣ докторовъ.
Не получаю я субсидій,
Иду рутинѣ въ перерѣзъ,
И не содержитъ Бертъ и Лидій
На деньги краденныя бѣсъ.

* * *

Не продавалъ свой умъ я чуткій,
Не ренегатствовалъ въ нуждѣ;

Литературной проституткой
 Не дебютировалъ нигдѣ.
 Меня за смѣлость идеала
 Привыкъ цѣнить и самъ Зевесъ,
 И съ человѣкомъ сходства мало
 Имѣю я, какъ истый бѣсъ.

* * *

Среди фразерства подкупнаго
 Вникая въ общій жизни ходъ,
 Гдѣ все смѣшалось безтолково,
 Увидить каждый, что идетъ
 Такая вдругъ перетасовка
 Идей, принциповъ и страстей,
 Что „человѣкомъ“ быть неловко:
 Сидить, повѣрьте, сто чертей
 Въ любомъ изъ нихъ — и если надо
 Чтобъ дьяволъ понялъ перевѣсъ
 Зла надъ добромъ, то пусть изъ ада
 Сойдетъ хоть на-годъ къ людямъ бѣсъ.

Такимъ образомъ я рѣшился отрекомендоваться читающей публикѣ. Дурно-ли, хорошо-ли, а вступленіе сдѣлано. Можеть быть, мнѣ предлагать такой вопросъ: кто жъ просить тебя совѣтаться въ человѣческое общество, если о немъ ты составилъ такое нелестное мнѣніе? Такъ проваливайся въ свой адъ, когда люди тебѣ вовсе не милы. — Вотъ что я на это отвѣчу. Къ людямъ, дѣйствительно, я никакой привязанности не чувствую. Единственное живое существо, къ которому я привязанъ — есть старый, сибирскій котъ и знаетъ-ли за что я люблю его? За то только, что онъ лишень способности красноречія или діалектики. Не такъ давно я написалъ въ честь его слѣдующій мадригаль:

Мурлыка мой! Съ сосѣдней крыши
 Вернись ко мнѣ... Клянусь я въ томъ:
 Ты потому людей всѣхъ выше,
 Что съ даромъ слова не знакомъ.
 Твое мурлыканье безцѣнно, —
 А человѣкъ, раскрывши ротъ,
 Иль глупость скажетъ непременно,
 Иль отвратительно совретъ.

И такъ, людскіе таланты и добродѣтели меня вовсе не привлекаютъ. Я несправимый идеалистъ, но съ другой стороны я чертовски честолюбивъ. Я понялъ, что „порядочный бѣсъ“ не будетъ имѣть успѣха въ свѣтѣ, если будетъ слишкомъ безупреченъ и не зараженъ нѣкоторыми, чисто человѣческими, слабостями. Такъ напр. одинъ патріотическій стихотворецъ долго смѣялся надъ моею наивностью, когда я ему замѣтилъ наставительнымъ тономъ:

До старости глядитъ ученикомъ
 Гимназін,
 Тотъ, кто поетъ надутымъ языкомъ
 Гимнъ Азін.

Практическій стихотворецъ скоро доказалъ мнѣ несостоятельность моихъ ребяческихъ взглядовъ — и я приунылъ. Я понялъ, мало по малу, что жить въ мірѣ можно только при нѣкоторомъ опошленіи и испорченности, а отъ кого же, какъ не отъ самихъ людей я могу научиться всему этому? Я увѣренъ, что пошатавшись между людьми года три-четыре, я вернусь въ свое подземное царство совершенно очеловѣченнымъ дьяволомъ. Вотъ почему, господа, я схожу на время въ ваше общество и даже въ качествѣ странствующаго наблюдателя, являюсь передъ вами начинающимъ литературнымъ дѣятелемъ. На первый разъ не будьте очень строги къ новичку; по свойственной бѣсу восприимчивости, я скоро привыкну къ новой дѣятельности и даже дойду, вѣроятно, въ послѣдствіи „до степеней извѣстныхъ“.

* * *

Для начинающаго писателя лучшею „купелью очищенія“ могутъ послужить „Москов. Вѣдомости“ и я, погружившись въ нихъ на короткій срокъ, начинаю уже чувствовать вѣяніе того человѣческаго прогресса, который литературный органъ преобразуетъ въ какое-то полицейско-исправительное заведеніе, въ печатный Мазасъ, гдѣ виновенъ каждый правый, гдѣ два московскіе префекта гг. Катковъ и Леонтьевъ чинятъ свои судъ и расправу съ усердіемъ становыхъ приставовъ добраго стараго времени, повсюду видя злоумышленниковъ и враговъ отечества. Я погрузился въ этотъ новый для меня чернильный міръ и изъ cadaго столбца слышалъ только одинъ и тотъ-же крикъ: „А-ту его! Лови его!“ „Москов. Вѣдомости“ оказываются нестойкими въ изобрѣтеніи новыхъ враговъ и новыхъ темъ для ихъ преслѣдованія. Такъ напр. журналъ „Дѣло“, журналъ, какъ извѣстно, подцензурный, вызвалъ гоненія со стороны московско-литературной префектуры. „Московскія Вѣдомости“, считая „Дѣло“ съ одной стороны „журналомъ весьма распространеннымъ“, котораго „статьи пишутся весьма популярно“, съ другой стороны, передергивая одну статью „Дѣла“, приходятъ къ той мысли, что „цензура и подцензурная печать довольны своими взаимными отношеніями, что подцензурная печать не причиняетъ никакихъ безпокойствъ, не вызываетъ предостереженій и мирно совершаетъ свое теченіе“. Всего этого слишкомъ довольно для „Моск. Вѣдомостей“ и онѣ разразились противъ журнала громовой передовой статьей, съ задними мыслями указать зловредность „Дѣла“, котораго скромность и сдержанность обуславливается самымъ его подцензурнымъ положеніемъ. Но что ясно для всѣхъ — для общества и

цензуры, — то очень подозрительно для полицейскаго участка г. Каткова и онъ начинаетъ изобличать „Дѣло“ въ тонкомъ искусствѣ журнальной политики. Манера и характеръ катковскихъ изобличеній удивили меня, какъ профана; своей безцеремонностью: въ одномъ мѣстѣ онъ выдернетъ изъ статьи одну фразу и машетъ надъ ней шпигрутенкомъ, въ другомъ — сдѣлаетъ изъ цѣлаго періода нужный ему пропускъ, и въ третьемъ мѣстѣ наконецъ — совершенно переиначитъ смыслъ выраженія и гнѣвается на произведение собственной фантазій.

Для всѣхъ людей пріемъ его — простой,
Но отъ него самъ дьяволъ содрогнется:
Что въ тартарѣ зовется — клеветой,
То на землѣ полемикой зовется.

Еще безцеремоннѣе арендаторы „Моск. Вѣдомостей“ накинудись на другой журналъ „Архивъ судебной медицины“ за статью о бездарныхъ лекціяхъ московскаго профессора Полунина, грозно восклицая, что „официальный журналъ, издаваемый на казенныя деньги (а вы на какія издаете?) министерствомъ, которому ввѣрена охрана общественнаго спокойствія, далеко оставилъ за собою всѣ пасквили, все злословіе, всѣ поруганія правительственныхъ распоряженій и превосходитъ всѣ попытки возбудить ненависть и презрѣніе въ учащемся юношествѣ къ его руководителямъ...“ И вся эта трескучая дерзкая рація вызвана только ученымъ отчетомъ журнала, который по своей специальности долженъ давать отзывы о „публичной дѣятельности профессоровъ медицинскаго факультета...“ Какъ видите, даже времена Фамусова были гораздо прогрессивнѣе, потому что и тогда еще Чацкій восклицалъ:

Кого теперь охота разбереть
Хоть въ рабѣйствѣ самомъ пылкомъ,
Затѣмъ, чтобы смѣшить народъ,
Усердно жертвовать затылкомъ.

Въ настоящее время совершаются дѣянія еще худшія и болѣе прискорбныя.

Гордись же ты, надменный Россѣ!
Свободное печати слово
Подъ алебардою Каткова
Преображается въ доносъ.

* * *

Какъ благовидны дѣла нашихъ „спасителей отечества“, мы видимъ по г. Каткову и К°. Г. Катковъ на И. С. Тургенева напустился за то, что Базаровъ (см. объясненіе по поводу „Отцовъ и Дѣтей“, т. I сочиненій Тургенева) вышелъ слишкомъ хорошъ и благообразенъ и пѣнаетъ автору романа за то, что онъ не заставилъ Одинцову

поднять на смѣхъ Базарова. Г. Тургеневъ отрекается и отрещивается теперь отъ г. Каткова, прямо давая всѣмъ понять, что словомъ „нигилистъ“ въ его романѣ воспользовались разные „спасители отечества“ для своихъ темныхъ и нехорошихъ цѣлей.

* * *

Вотъ цѣли современныхъ „благотворителей“ не столько злокачественны и далѣе смѣшныхъ претензій неидутъ. Эти фалантропы, извѣстные той прозорливостью, которая не отличитъ голоднаго отъ пьянаго, а истинно бѣдной женщины отъ лѣнивой потаскушки и салоппницы, эти благотворители заняты больше своимъ собственнымъ краснорѣчіемъ „въ пользу меньшихъ братій“, чѣмъ дѣйствительной помощью. Съ новаго 1870 года они приступили къ изданію даже собственнаго органа „Вѣстникъ Благотворительности“, гдѣ главное мѣсто будутъ занимать рѣчи филантроповъ о пользѣ благотворительности (!!) и даже ихъ портреты (!?). Видите ли, какая похвальная и пріятная дѣятельность: съ слезами на глазахъ благотворители будутъ читать свои гуманныя спичи, а потомъ эти спичи напечатываются съ портретами краснорѣчивыхъ ораторовъ... Предвижу радость всѣхъ голодающихъ бѣдняковъ, утѣшенныхъ новымъ предпріятіемъ современныхъ благодѣтелей. Я будто уже слышу слѣдующую поучительную бесѣду:

Вѣднякъ.

Я голоденъ. Свалилось платье съ плечъ,
Нашита гдѣ заплата надъ заплатою...

Филантропъ.

Я о тебѣ скажу, любезный, рѣчь
И эту рѣчь въ газетахъ напечатаю.

Вѣднякъ.

Въ моей семьѣ давно ни гроша нѣтъ...
Я голоденъ... клянусь я жизнь проклятую...

Филантропъ.

Въ газетѣ ты найдешь и мой портретъ,
Чтобъ каждый зналъ, какъ я за бѣдныхъ ратую...

Если-бъ я не былъ бѣсомъ, то сказалъ бы, что есть какая-то дьявольская иронія въ изданіи органовъ, подобныхъ „Вѣстнику Благотворительности“, доктора А. Тицнера, который на „проклятые вопросы“ нищеты готовится отвѣчать витіеватыми разглагольствіями и портретами досуженныхъ благодѣтелей.

* * *

Между современными драматургами, композиторами и артистами существуетъ полнѣйшая внутренняя солидарность. За что бы, казалось, людямъ ссориться, а между тѣмъ авторы постоянно недовольны актерами и ихъ

игрой и чтобъ сорвать на послѣднихъ свое сердце, они даже нечестно обращаются къ публикѣ съ просьбой не ходить въ театръ въ дни представленія ихъ пьесъ. Кромѣ шутокъ, это правда. Доказательствомъ тому служить письмо Цезаря Кюи, неизвѣстнаго автора неизвѣстной оперы „Вильямъ Радклиффъ“. Ц. Кюи пишетъ въ „Спб. Вѣд.“, что послѣднее представленіе его оперы было не исполненіе, а сплошное вранье (то же самое говорятъ объ оперѣ пѣвцы въ ней участвующіе) отъ начала до конца невообразимое коверканіе, въ которомъ принимали дружное участіе и оркестръ, и хоръ и солисты“. За тѣмъ, Ц. Кюи, заявляя, что такъ какъ онъ не можетъ выкинуть оперы изъ репертуара Марининскаго театра (она и безъ того почти не дается на театрѣ), то „обращается съ самымъ настоятельнымъ убѣжденіемъ къ посѣтителѣмъ Марининскаго театра — не ходить слушать Ратклиффа (!!!).

Цезарь Кюи видимо смѣшалъ себя съ тѣмъ Цезаремъ, о которомъ говорилось что онъ „veni, vidi, vici“. Его протестъ былъ бы дѣйствительнымъ въ томъ только случаѣ, если бы оперу портили только одни артисты, а не онъ самъ; а теперь его предложеніе не ходить слушать „Ратклиффа“, право, очень смѣшно: публика и безъ приглашенія автора давно перестала думать объ этой оперѣ... Партеръ однажды—пришелъ, увидѣлъ, но побѣдить не могъ своей скуки и зѣвоты во время представленія „Ратклиффа“... Къ чему же Цезарь Кюи совершилъ операцію цезарскаго сѣченія надъ своей оперой?

Представители русской сцены поступили бы гораздо лучше, если-бъ печатали заявленія болѣе искреннія и справедливыя и прямо внушали публикѣ: „пьеса моя, господа, куда какъ плоха, похвальные рецензій о ней глупы, такъ не ходите въ театръ, когда дается моя пьеса... Такимъ образомъ г. Маннъ, поставившій недавно общую комедію „Общее благо“, очень бы выигралъ въ общественномъ мнѣніи и былъ бы истинно великодушнымъ драматургомъ, еслибъ во всеуслышаніе сознался, что его „Общее благо“ есть „общественное зло“, отъ котораго надо отдаляться на благородную дистанцію. Нынѣ, впрочемъ, весь репертуаръ г. Манна переводится на чешскій языкъ и будетъ ставиться въ Прагѣ. Слава Богу, лишь бы не въ Петербургѣ!

* * *

Римская драма г. Жаудра „Неронъ“, о которой такъ много было толковъ, разумѣется, оказалась римскимъ огурцомъ. Пятиактную нелѣпость съ великолѣпной обстановкой не спасли отъ паденія даже римскія ночи. Въ „Неронѣ“ театральная дирекція получила хорошій урокъ, и она теперь едва-ли рѣшится ставить ученическія трагедіи, составленныя по Салюстію или просто по книгѣ Кудрявцева. Вѣдь если можно ставить на сцену „Нерона“, то нужно также разыграть и трагедію въ сти-

хахъ пресловутаго В. Алферьева „Диагоръ“ и „Диоклетіанъ“ не менѣе пресловутаго г. Маркова, автора „Прогрессиста Самозванца“ и даже самого „Прогрессиста Самозванца“, и даже „Марю Посадницу“, сочиненную недавно Рос. Ступишиномъ. И напрасно ихъ не ставятъ. Вѣдь это пьесы серьезныя, въ нихъ нѣтъ легкой музыки Оффенбаха, нѣтъ остроумныхъ либретто, которыя увлекаютъ такъ парижанъ (извѣстно, что мы гораздо развитѣе и серьезнѣе французовъ какихъ нибудь) нѣтъ ума, таланта и мѣткой эпиграммы.... Пусть увлекаются парижане чѣмъ имъ угодно: они намъ не указъ.

Не важенъ, — молвлю я безъ страха, —
Намъ всѣмъ Парижа приговоръ.
Французы любятъ Оффенбаха,
А русскимъ милъ и „Диагоръ“,
Кюи, Алферьевъ съ Жандромъ вмѣстѣ!..
Все передъ ними — тлѣнь и прахъ, —
Намъ Оффенбаховъ дай хоть двѣсти,
Мы крикнемъ: къ чорту, Оффенбахъ!..

* * *

„Горе отъ ума“ давалось недавно въ новой обстановкѣ и въ первый разъ — на казенной сценѣ — безъ обычныхъ пропусковъ... Горе тому писателю, который задумаетъ ставить на нашу сцену пьесу, написанную рифмованными стихами. Сколько уже лѣтъ играютъ наши актеры грибоѣдовскую комедію, а между тѣмъ еще до сихъ поръ не могутъ заучить стиховъ комедіи, изъ которыхъ каждый — пословица и любой мало-мальски грамотный человѣкъ знаетъ почти наизусть всѣ четыре акта... Почти всѣ артисты, участвовавшіе въ комедіи (во 2-е представленіе) за исключеніемъ гг. Каратыгина, Монахова, г-жи Лядовой и еще двухъ-трехъ — путали, обрывали и коверкали безсмертные стихи Грибоѣдова. За тѣмъ — Чацкаго игралъ г. Нильскій!... Кто помнитъ роль Чацкаго (а кто ее не помнитъ?) и кто имѣетъ понятіе о сценическихъ средствахъ водевильнаго актера г. Нильскаго — тотъ можетъ себѣ представить, какое впечатлѣніе должна производить его игра. Г. Нильскій тоже не потрудился выучить роли и въ одномъ мѣстѣ такъ переиначилъ фразу Чацкаго, что я невольно вспомнилъ одного провинціального актера, игравшаго ту же роль въ несо-всѣмъ здоровомъ видѣ и вмѣсто извѣстной фразы —

Чуть свѣтъ, ужъ на ногахъ, и я у вашихъ ногъ,
заревѣлъ на весь провинціальный театръ;

Весь свѣтъ ужъ на ногахъ, и я одинъ безъ ногъ.

Вообще новая обстановка „Горе отъ ума“ весьма печальна.

Поднялся занавѣсъ и вскорѣ
Рѣшила публика сама;
„На сценѣ видѣли мы горе,
Но не замѣтили ума“.

* * *

Существующій въ Петербургѣ клубъ художниковъ мало по малу обращается въ дѣтскій клубъ (не потому-ли что всѣ художники — тѣ же дѣти, по замѣчанію одного поэта?) Ежедневно тамъ читаются первоначальныя лекціи изъ русской исторіи и столь популярно, что младенцамъ слушать ихъ очень удобно. На столикахъ для дѣтей раскладываются разныя картинки, рисованныя, вѣроятно, тоже дѣтьми, какъ замѣчалъ мнѣ одинъ знатокъ живописи. Толстыхъ же журналовъ въ библіотекѣ нѣтъ и слѣда, можетъ быть потому, что предусмотрительный клубъ считаетъ ихъ неудобными для дѣтскаго чтенія или потому, наконецъ, что дѣти, подобно Марку Волохову, очень часто любятъ рвать чужія книжки. Въ клубѣ бываютъ и танцы, но какъ сами дѣти не могутъ распоряжаться танцами, то на возвышеніи въ залѣ становится взрослый господинъ въ родѣ танцмейстера и громко командуетъ. Дѣти слушаются и покорно исполняютъ его приказанія. Въ карты въ клубѣ не играютъ, ибо это можетъ приучить

дѣтей съ ранняго возраста къ азартнымъ играмъ, что, разумѣется, не похвально...

Однимъ словомъ клубъ артистовъ—впадаетъ въ дѣтскій возрастъ. Что жъ, это все же лучше старости!..

* * *

Въ заключеніе прибавляю, что кромѣ Петербурга, какъ слышно, во всѣхъ уголкахъ нашего отечества въ берегахъ кисельныхъ текутъ рѣки молочныя, граждане гребутъ деньги лопатами, и счастье и мирный ихъ покой ничѣмъ не возмущаются; грабежей и воровства нѣтъ и въ поминѣ; судъ справедливъ и милостивъ, и въ пустыхъ острогахъ устроены благотворительныя пріюты и училища. Дозволены ли вы, читатель?.. Да, чуть не забылъ... Недавно надъ Москвою пролетѣлъ огненный метеоръ, но пролетѣлъ не въ узаконенной части, да къ тому же не имѣлъ законнаго вида на жительство, за что и былъ изловленъ хозяиномъ бляха № 291 и доставленъ въ участокъ, гдѣ виновный просидѣлъ всю ночь, но къ утру неожиданно вылетѣлъ въ трубу. Москва была два дня въ волненіи.

Подробности объ этомъ происшествіи вы можете прочесть въ „Виржевыхъ Вѣдомостяхъ“ (№ 369), которые всегда правдивы, какъ таблица умноженія

Мефистофель.

СКАЗКА О ПРИКАЩИКАХЪ.

Въ 186* году была холодная зима. Въ селѣ Мертвомъ въ барскомъ домѣ было неспокойно. Непокоествіе сіе произошло по той причинѣ, что хозяйка барыня больна. Сначала съ нею сдѣлалось нѣсколько истерикъ, а потомъ она пришла въ озлобленіе.

— Черти вы окаянныя! всѣхъ васъ на одну осину! кричала разъяренная барыня.

Прислуга суетилась изъ угла въ уголь, бѣгала и также кричала. Приживалки кричали на горничныхъ, горничныя на кухарокъ, кухарки на прачекъ, прачки на поломоекъ и—Боже мой!—какой содомъ подняла вся дворня! Даже собака, облизывавшая на навозной кучѣ масляный листокъ газетной бумаги, и та приударила выть—и пуще всѣхъ!

Барыня была одинокая и жила она бабьимъ умомъ своимъ, имѣла много имѣній, а въ имѣніяхъ были крестьяне. Вотъ въ одномъ имѣніи крестьяне и надумались: баба, говорятъ, управляетъ нами своимъ бабскимъ умомъ да не знаетъ, что намъ потребно, не видитъ, какъ насъ тутъ прикащики одолѣли. Семь-ка своимъ умомъ бу-

демъ жить. Собрали сходку и порѣшили: изгнать изъ села помѣщичьяго прикащика и дѣлу конецъ. Спровадили прикащика. Барыня собрала свою многочисленную дворню, говоритъ: распорядитесь. Знамо, тѣ и распорядились, явились съ оружіемъ и дрекольми, какъ, значить, поняли и пошла писать. Овѣ бяху избиты, овѣ разбиты, овѣ убиты, овѣ отправлены на фабрики и заводы, для работъ подъ надзоромъ. Такимъ образомъ самоуправленіе было усмирено.

— Ну, думаетъ барыня, теперь я не такъ устрою дѣла. Вотъ что я сдѣлаю: пошлю туда людей изъ своего села—они всѣ люди хорошіе, честные, не дадутъ поблажки.

Призываетъ людей.

— Вы усердныя мои слуги?

— И, матушка барыня, мы за тебя готовы всѣ головы сложить, животиковъ своихъ не пожалѣмъ! Видитъ Богъ, какъ мы тебя любимъ, кормилица ты наша благодатная!

— Ну хорошо. А добро мое будете беречь:

— И, матушка барыня, да мы какъ усердныя собаки, не то что твоего ничего не возьмемъ, все свое отдадимъ, коли только ты захочешь. Намъ ничего не нужно, мы усердіе свое выкажемъ и такъ

— Ну, хорошо. А потачки вы не дадите?

— Ни во вѣки вѣковъ, матушка барыня! Ни-ни при насъ ничего ни посямъ.

— Смотрите: Я вамъ вѣрю и за вашу усердную службу вы будете награждены. Вотъ вамъ двойные прогоны, отправляйтесь. Тамъ будете получать двойное жалованье.

— Покорнѣйше благодаримъ твою милость. Ты, матушка барыня, въ насъ не сомлѣвайся, мы люди твои вѣрные по гробъ.

Звонки звенятъ и тройки мчатся
Вдоль по дорожкамъ столбовымъ;
На крыльяхъ радости стремятся
Прикащики къ мѣстамъ своимъ.

Пріѣхали. Видятъ дѣло таково: помѣщичьихъ земель много множество, крестьянскихъ участковъ много вакантныхъ, потому что нѣкоторые изъ крестьянъ получили должное возмездіе, а другіе бѣжали въ чужія владѣнія, изъ боязни за свою жизнь, захвативши съ собою все движимое. Но во многихъ вакантныхъ участкахъ осталось полное благоустроенное хозяйство.

— Вотъ благодать-то, говорятъ прикащики, да тутъ все полная чаша, хоть рукой загребай!

Вступили въ управление.

— Да тутъ житье—какъ сыръ въ маслѣ кататься, думаютъ прикащики. Только вотъ скверно, если барыня вздумаетъ насъ опять къ себѣ позвать, или пошлетъ въ другое какое мѣсто. А мы вотъ что сдѣлаемъ: продадимъ весь скотъ—деньги въ карманъ себѣ; продадимъ весь хлѣбъ—деньги тоже въ карманъ; будемъ хозяйничать—весь доходъ въ карманъ. Проживемъ этакъ годикъ, два, а коли можно и больше, тогда мы плевать станемъ на барыню: на всю жизнь хватитъ намъ достатковъ.

Ждетъ барыня вѣстей отъ своихъ прикащиковъ. Наконецъ получаетъ огромнѣйшій пакетъ за шесть сотъ шестидесятью шестью печатами (число звѣрино), въ которомъ громаднѣйшими буквами значится сиче:

„Имѣемъ честь всенижайше донести вамъ матушка барыня, что мы прибыли къ своимъ мѣстамъ. Бѣжали усердно, не спавши, не ѣвши и не пивши, только по дорогѣ глотали дождикъ, который намъ посылалъ господь Богъ на пути, чтобъ остудить жаждущій языкъ. Имѣнія твои всѣ раззорены бунтовщиками въ пухъ и прахъ: нѣтъ ни кола, ни двора, ни живой скотины: нѣгдѣ даже гнѣзда свить маленькой пташечкѣ. Мы сами живемъ или подъ открытымъ небомъ, или въ землянкахъ, вырытыхъ собственными руками, даже безъ заступовъ; рыли мы какъ кроты, и днемъ, и ночью.

Питаемся только несомъ и булыжниками, потому что тутъ не только что чернозему, но даже и травинки никакой; зѣвря также не имѣется, потому что тутъ мѣста хуже сахарской пустыни; даже птицы по поднебесью не летаютъ. Однажды только видѣли мы, какъ въ воздухѣ ночью пролетѣли двѣ летучія мыши и по дорогѣ унавозили землю твоей милости. Поэтому случаю черезъ годъ, при самыхъ усерднѣйшихъ своихъ трудахъ, мы надѣемся на унавоженномъ мѣстѣ возрастить траву, которая будетъ нами продана по самой высокой цѣнѣ и дастъ твоей милости чистаго дохода 2 копѣйки серебромъ“.

— Это чортъ знаетъ что! восклицаетъ барыня: двадцать тысячъ десятинъ даютъ дохода только двѣ копѣйки! Ну да пусть! мнѣ теперь не до нихъ, и такъ много разныхъ хлопотъ: имѣній много, нужно со всякимъ управиться. Посмотрю, что дальше будетъ.

Черезъ годъ опять получается пакетъ за шестьсотъ шестью-десятью шестью печатами.

„Честь имѣемъ всепочтительнѣйше донести твоей милости, матушка барыня, пишутъ прикащики, что обѣщаннаго нами дохода 2 коп. мы не высласмъ тебѣ по слѣдующей причинѣ: 3-го числа іюля мѣсяца былъ градъ величиною съ сорокаведерную бочку. Шелъ этотъ градъ съ утра до вечера и такъ избилъ всю выросшую траву, что она превратилась въ порошокъ. Усердствуя твоей милости, по минованіи града, мы начали ловить порошокъ въ воздухѣ и частію изловили и сложили въ кучи. Чуть только мы окончили эту многотрудную работу, какъ, видимо невидимо, появилось неисчислимое количество мышей, которые не только съѣли весь собранный нами порошокъ, но даже на томъ мѣстѣ выѣли землю на пять аршинъ въ глубину“.

— Это изъ рукъ вонъ! восклицаетъ барыня.—Ну, да чортъ съ ними, мнѣ теперь нѣкогда, и такъ много разныхъ дѣлъ. Посмотримъ, что будетъ дальше.

Черезъ годъ опять получается пакетъ за шестьсотъ шестьюдесятью шестью печатами.

„Такъ какъ въ прошломъ году, пишутъ прикащики, черезъ твои владѣнія, матушка барыня, не пролетала ни одна птица и земля оставалась не унавоженной, то по сей причинѣ ничего она не возростила и дохода никакого не имѣется“.

— Э! нѣтъ, ужъ это что-то не такъ, думаетъ барыня. Если въ прошломъ году не пролетали птицы, за то было чрезвычайно большое количество мышей, которые должны были оставить на поляхъ навоза несравненно болѣе, нежели двѣ птицы. Нѣтъ, это, рабы невѣрные и лукавые.

Барыня послала новыхъ прикащиковъ. Тѣ пріѣхали. Видятъ: запустѣніе во всемъ, хаты безъ починокъ разваливаются, поля обработаны плохо, земледѣльческія орудія изломаны, арендаторы платятъ не много. Скота было нѣсколько штукъ, но старые прикащики объяви-

ли, что все это их личная собственность, а барынь принадлежит только слѣпая и безногая кобыла.

— Да вы вотъ что, говорятъ старые прикащики novымъ, вы не очень усердствуйте для барыни, а лучше про себя не забывайте. Все, что получите, берите себѣ, а барынь питите, что нѣтъ ничего.

— Нельзя, строго-на-строго, приказала, чтобъ доходъ безпремѣнно былъ, а не то, говорить, головы съ плечъ долой.

— Ну, какъ знаете. Просимъ прощенья.

На прощанье кутнули презрѣдно.

Черезъ годъ барыня получила дохода 5 копѣекъ серебромъ.

— Ну, это лучше, думаетъ барыня, а все-таки будто что-то не такъ: 20,000 десятинъ земли даютъ 5 коп. дохода! Да вѣдь прежде же на этихъ земляхъ жили крестьяне и не только не жаловались, а даже исправно платили мнѣ оброкъ и гораздо больше. Нѣтъ, что-то тутъ не такъ. А ну-ка я отдамъ эти земли въ аренду съ публичныхъ торговъ?

Сказано — сдѣлано.

Черезъ годъ барыня получила дохода 20,000 рублей. Арендаторамъ тоже нужно было прожить и себѣ заработать на черный день.

Однажды мальчишки вытащили изъ дупла птичье гнѣздо, въ которомъ найдена какая-то рукопись. Рукопись эта оказалась счетомъ, который вели первые прикащики. Одинъ любитель древностей взялъ себѣ этотъ счетъ и когда прочиталъ, то оказалось, что первые прикащики, принявши хозяйство, какъ полную чашу, по крайней мѣрѣ, въ первый годъ, заработали 200,000 рублей.

ПИСЬМА СЪ РОДНОЙ СТОРОНЫ.

(выдержка изъ перваго письма).

.... Кстати о холодныхъ и голодныхъ. Ихъ нынче такъ много развелось въ нашемъ захолустьѣ, что просто иногда слезы прошибаютъ... Особливо много пострадала въ нынѣшнемъ году Пензенская губернія. Чего, чего-то не было въ ней въ прошедшее лѣто! И все это какъ-то глухо, тупо, затаенно переносится нашимъ бѣднымъ народомъ: такъ онъ привыкъ ко всѣмъ жизненнымъ невзгодамъ, и такъ умѣетъ терпѣть разныя горести... Судите сами, какъ легко отзовется на его благосостояніи слѣдующее: по всей (Пензенской) губерніи сторгѣно крестьянскихъ имуществъ почти на 2½ миллиона рублей серебромъ, по всей этой же губерніи крестьяне собрали съ своихъ полей почти однѣ только сѣмена; и тамъ и сямъ въ той же губерніи болѣютъ и умираютъ люди, болѣетъ и умираетъ ихъ скотъ... Что станете дѣлать при подобныхъ обстоятельствахъ; гдѣ возьмете силы перетерпѣть все это?.. А народъ терпитъ: онъ и лебедой питается и пьянствуетъ въ то же время, онъ и болѣетъ страшно и лезетъ изъ кожи, добываясь денегъ на уплату разныхъ повинностей.

Довольно наивно было высказано на одномъ земскомъ со-

браніи объ этихъ народныхъ бѣдствіяхъ: «да будетъ вѣдомо, дескать, вамъ, милостивые государи, что у насъ, вслѣдствіе нашихъ стараній, никто не умретъ съ голода...» Опомнитесь, господа: неужели вы того не можете постигнуть, что десятками тысячъ нельзя ничего сдѣлать тамъ, гдѣ потеряно много миллионъ?! Вы дадите народу работу, дѣло, занятія—платите за все это по совѣсти и больше отъ васъ ничего не требуется: народъ ужъ самъ себя накормитъ и даже еще вы отъ него малой толикой пользуетесь. Вообще очень досадно слышать такіе приторные комплементы, въ которыхъ восхваляются дѣянія того или другаго лица или учрежденія въ то время, когда польза еще далеко сомнительна. Въ томъ же, напримѣръ, земскомъ собраніи было высказано во всеуслышаніе, что земство этой губерніи достигло результатовъ знаменательныхъ! Скажите, пожалуйста—гдѣ же, въ чемъ же именно видны эти знаменательные результаты? Положимъ, что голодъ не отъ земства произошелъ и не отъ него онъ свое начало имѣетъ, — но гдѣ же у васъ, милостивые государи, запасные хлѣбные магазины? Неужели вамъ не было удобнаго времени засыпать въ нихъ хлѣба? Развѣ вы правы, вспомнивъ объ этихъ пустякахъ тогда, когда магазины отъ себя должны народу хлѣбъ давать, а не отъ него брать? Развѣ вы правы, заявляя о томъ, что въ настоящее время необходимо обсудить вопросъ о пополненіи запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ? Да откуда теперь можетъ произойти это пополненіе? Готового хлѣба нѣтъ, а озими подаютъ очень плохія надежды на будущій урожай. Гдѣ же вы возьмете хлѣба? — Этотъ-то камень преткновенія, должно быть, и есть одинъ изъ знаменательныхъ результатовъ, которыхъ достигло земство голодной губерніи... Если же идти далѣе по вопросу о знаменательныхъ результатахъ, то неминуемо остановишься на слѣдующемъ: ужъ не въ томъ ли видятъ ихъ нѣкоторые, что губернія все лѣто горѣла безъ устали? — Гдѣ работы земства къ прекращенію этого бича? Гдѣ огнегасительные снаряды, гдѣ предупредительныя мѣры противъ пожаровъ?.. Плачевною рѣчью, которая была произнесена на пепелищахъ города Саранска — пожара не зальешь: тутъ надо употребить болѣе сильныя и дѣйствительно полезныя средства, — но гдѣ же они?! Не менѣе знаменательныхъ результатовъ достигло земство голодной губерніи и по народному здравію: денегъ расходуется въ годъ на содержаніе медицинской части до 60,000 р. с., а въ то время, не говоря уже о горячкахъ — въ одномъ селѣ умерло отъ оспы восемь человѣкъ, да пятнадцать еще осталось больныхъ!.. Какія же болѣзни послѣ этого излечиваются земскими дѣятелями? Тѣ же знаменательные результаты ясно видны и по народному образованію: семь уѣздовъ назначили на эту роскошь почти по 600 рублей, а восьмой — ни копѣйки!..

Вотъ каковы эти знаменательные, въ дѣйствительности же очень жалкіе результаты нашей общественной дѣятельности!..

Совершенно подобны этимъ результаты видны и въ дѣятельности нашего дворянства. Встрѣтился я, напримѣръ, на дняхъ съ знакомымъ заводчикомъ и завелъ съ нимъ разговоръ объ одномъ старомъ аристократѣ.

— Какъ поживаетъ господинъ Ч... спросилъ я заводчика.

— Ничего... Такъ себѣ, знаете: ни Богу свѣча, ни чорту кочерга...

— Должно быть, его обстоятельства не въ блестящемъ состояніи?

— Пожалуй, что такъ...

— Досадно, однако...

— Почему?..

— Очень просто: два года тому назадъ взялъ деньги и

обѣщался по условію доставить лѣсу, а до сихъ поръ ничего не доставляетъ...

— Обыкновенная исторія: у меня въ прошломъ году взялъ тысячу рублей въ задатокъ за хлѣбъ и до настоящаго времени не получилъ я отъ него ни зерна...

— Прекрасно!.. Куда же онъ дѣваетъ деньги?

— Жену послалъ за границу... Прожила она тамъ шесть мѣсяцевъ, а онъ ужъ ей седьмую тысячу посылаетъ...

— Боже мой!.. Для чего же все это?

— Очень просто—чтобы отъ людей не отстать...

Къ этому и прибавлять нечего, развѣ еще послать одну другую тысячу за-границу.

К Симбирскій.

ИСКРЖИ.

ЗАМѢТКИ СО ВСѢХЪ КОНЦОВЪ СВѢТА.

Общественное мнѣніе въ Парижѣ занято въ настоящее время почти исключительно двумя только что совершившимися событиями: образованіемъ новаго министерства Эмиля Оливье и объявленіемъ смертнаго приговора убійцѣ Троппману. Журналы, сообщая извѣстія объ этихъ двухъ событіяхъ рядомъ, затрудняются только въ томъ, какому изъ этихъ двухъ явлений слѣдуетъ отдать предпочтеніе помѣщеніемъ на первомъ мѣстѣ. Въ сущности этого затрудненія существовать не должно бы: и то и другое явленіе не только одинаково интересны и поучительны, но имѣютъ и одинаково карательный характеръ. Троппманъ за убійства приговоренъ судомъ къ гильотинѣ; вторая имперія за тяжкія прегрѣшенія ходомъ событий приговорена къ министерству Эмиля Оливье.

* * *

По словамъ «Фигаро» первый выѣздъ императора Наполеона въ день Новаго года былъ сдѣланъ во дворецъ Базилевскаго, — резиденцію эксъ-королевы испанской Изабеллы со всѣми ея чадами и домочадцами. Подобные визиты имѣютъ свою очень хорошую сторону. При теперешнемъ тревожномъ положеніи дѣлъ, свиданія съ эксъ-королевой неминуемо должны наводить на успокоительныя мысли о томъ, что

Вдали отъ шума и скандаловъ
Въ изгнаньи славно можно жить,
Болъ миллиончикъ реаловъ
Въ карманѣ удастся положить.

* * *

Въ Кладдерадачѣ пишутъ: при конституціонномъ образѣ правленія отвѣтственность за всѣ дѣйствія правительства падаетъ на министровъ; личность же государя ни за-что не отвѣчаетъ. Глава французскаго правительства, убѣдившись, что при послѣднихъ выборахъ, 3,500,000 голосовъ высказались за республику, внезапно воспылавъ, какъ извѣстно, самой неудержимой страстью къ конституціонному порядку дѣлъ и въ тронной рѣчи своей провозгласилъ слѣдующее:

«Свободу я любилъ всегда,
«И вотъ я зданіе вѣнчаю...
«Но не забудьте, господа,
«Я за порядокъ отвѣчаю!»

При этомъ вотъ что странно намъ:
Хоть введена реформа быстро,
Но все «глава» отвѣтчикъ самъ —
Такъ гдѣ-жъ отвѣтственность министра?

Если духъ и сущность конституціоннаго образа правленія такъ безцеремонно нарушаются въ Парижѣ при самомъ первомъ шагѣ на пути либеральничанья, чего же прикажете ожидать дальше?

* * *

Въ *Gazetta Italiana* пишутъ, что Викторъ Эммануилъ уже отправилъ испанскимъ кортесамъ извѣщеніе о рѣшительномъ нежеланіи герцогини генуэзской позволить сыну своему, герцогу генуэзскому принять испанскую корону. Такимъ образомъ послѣдняя надежда испанскихъ роялистовъ приобрести хоть малолѣтняго короля — лопнула. Вполнѣ сочувствуя такому несчастному положенію испанцевъ, въ потѣ лица добывающихъ себѣ короля, мы съ своей стороны рѣшаемся посоветовать имъ, за неимѣніемъ на рынкѣ настоящаго кандидата въ наслѣдники Филиппу II, поискать себѣ и стараться приобрести короля поддержаннаго и поношеннаго, въ родѣ бывшихъ повелителей Неаполя, Ганнонера и тому подобныхъ. Поддержанный товаръ иногда можно бываетъ получить на весьма сходныхъ условіяхъ и хотя онъ продается по большей части за негодностью, но все-таки лучше чѣмъ ничего. А то вѣдь, сами посудите, положеніе испанцевъ самое критическое.

Ну что имъ дѣлать? Какъ имъ быть?
Дѣла идутъ ужасно туго,
А есть влеченье, родъ недуга
Скорѣ короля добыть.
Чтобъ наконецъ угомониться
Пускай Испанія манитъ
Заштатныхъ королей въ Мадридъ —
Тамъ и поддержанный годится.

Мы особенно можемъ рекомендовать изъ числа «поддержанныхъ», — эксъ-короля Обѣихъ Сицилій. Традиція бывшей неаполитанской династии, вѣрою, не составитъ особенно рѣзкаго диссонанса въ классической странѣ инквизиціи.

* * *

«Фигаро» старается охарактеризовать современное состояніе французскаго общества въ слѣдующихъ выраженіяхъ: У французовъ вообще нѣтъ истиннаго, неподдѣльнаго чувства свободы; за то у большинства французовъ самая неподдѣль-

ная свобода чувственности. Очевидно, что одно пополняется другимъ въ общей экономіи народныхъ силъ.

* * *

Южная Америка составляетъ положительный контрастъ съ Сѣверной. На сколько Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты стремятся обогнать старую Европу, на столько Южная Америка стремится отстать подальше отъ Европы. Усерднѣе всѣхъ дѣйствуетъ на этомъ поприщѣ Бразильская Имперія, — этотъ послѣдній изъ могиканъ рабовладѣльчества. Дѣйствительно, всякій отжившій свой вѣкъ и наконецъ вырванный съ корнемъ изъ европейской почвы элементъ, принимается и начинаетъ успѣшно пускать ростки на бразильской почвѣ. Такъ напримѣръ династія Бурбоновъ, еще такъ недавно владѣвшая тремя тронами въ Европѣ, еще такъ недавно доказывавшая свою неспособность подчиниться требованіямъ духа времени, — теперь, по удаленіи своемъ въ Европѣ за штатъ, — находитъ пріютъ въ Бразиліи. Дѣйствительно, по словамъ «Gaulois», одинъ изъ принцевъ Орлеанской линіи этого дома, — графъ д'Э, женившійся на дочери Бразильскаго Императора Донъ-Педро II, уже объявленъ въ настоящее время наслѣднимъ принцемъ Бразильской Имперіи. Торжество же монархическаго элемента, проявившееся въ послѣдней борьбѣ Бразиліи съ Парагвайской республикой можетъ современемъ открыть блестящую будущность въ Южной Америкѣ и для другихъ, остающихся за штатомъ европейскихъ династій. Въ Европѣ имъ смѣло можно ставить на карту все.

Стремленія ихъ, усилія
Не пропадутъ, —
Въ Америкѣ Бразиліи
Имъ дастъ пріютъ.

Не мѣшало-бы устроить въ Рио-Жанейро даже особенное общество покровительства изгнаннымъ династіямъ.

* * *

Во французскихъ газетахъ напечатана слѣдующая публикація: «Подписчикамъ журнала «Cousiller des Dames» редакція въ видѣ преміи предоставляетъ право или заказать бесплатно собственный портретъ въ фотографіи Пьера Пети, или получить большаго формата фотографическое изображеніе папы Пія IX, Иисуса Христа, Эммы Ожье или Сарду; одного изъ четырехъ на выборъ».

ПРАВДА-ЛИ?

Правда-ли, что въ Петербургѣ въ одномъ изъ учебныхъ заведеній заботливый директоръ изъ существующей при заведеніи библіотеки, отобрать почти половину книгъ, по его понятію вредныхъ для юношества, помѣстивъ ихъ подъ ключъ въ особый шкафчикъ и подписавъ *venena*?

Правда-ли, что въ одномъ учрежденіи, по вопросу, имѣющему серьезный общественный интересъ, когда нѣкоторое вліятельное лицо, во время преній, замѣтило: «мы должны помнить, что велѣно не дѣлать шага назадъ»; другое, болѣе

вліятельное, возразило: «мы не сдѣлаемъ шага... но можно сдѣлать нѣсколько шаговъ?»

Правда-ли, что есть на свѣтѣ прокуроръ, который въ рѣчи свои вводитъ, между прочимъ, слѣдующіе мотивы обвиненія.

«Первая улика противъ подсудимаго — это самый фактъ совершившагося преступленія.

«Изъ четырехъ, сидящихъ на скамьѣ подсудимыхъ, требуется опредѣлить главнаго изъ нихъ, зачинщика. Кажется, гг. судьи, гг. присяжные, достаточно взглянуть на физиономію Г., полную ума и выраженія...

«Я не думаю, чтобъ подсудимый вѣрилъ въ Бога и ходилъ въ церковь?»

Правда-ли, что сообразительный прокуроръ въ отвѣтъ на сказанные мотивы, долженъ былъ выслушать слѣдующія возраженія. «Если ставить въ улику самый фактъ совершеннаго преступленія то, гг., вѣдаю изъ насъ, не исключая и самого прокурора, можно обвинять въ убійствѣ въ Гусевомъ переулкѣ.

«Если судить о преступности человѣка по выраженію мыслящей умной физиономіи, то надо думать, что вы, гг. присяжные, по выслушаніи такого замѣчательнаго довода обвинительной власти, возвратясь домой, первое дѣло, броситесь къ зеркалу и, можетъ быть, въ ужасъ приведетъ васъ вашъ собственный человѣческій образъ, потому что въ этомъ отношеніи не всѣ, можетъ быть, такъ, счастливы, какъ самъ г. прокуроръ»

«Если г. Прокурору угодно запускать руку въ мою душу, оперировать надъ моими религіозными вѣрованіями и разворачивать до сокровеннѣйшаго дна мою совѣсть, лишая меня послѣднихъ, можетъ быть, утѣшеній и отрады въ мірѣ, то спрашиваю, кого изъ насъ слѣдуетъ обвинять въ большемъ злодѣяніи? Меня, или прокурора? Залезать въ чужую душу и обирать ее еще преступнѣе, чѣмъ залезать въ чужой карманъ?»

Правда-ли, что одинъ золотопромышленникъ, извѣстный ловкостью въ обдѣлываніи своихъ дѣлишекъ, въ виду процесса съ нимъ другаго золотопромышленника, прибѣгнулъ къ слѣдующему остроумному маневру: онъ каждому изъ извѣстнѣйшихъ адвокатовъ довѣрилъ по одному изъ многочисленныхъ своихъ дѣлъ и такимъ образомъ лишилъ своего противника возможности добыть себѣ сильнаго, авторитетнаго защитника и тотъ *polens-volens* долженъ былъ выбирать уже маловліятельныхъ второстепенныхъ, ибо изъ знаменитостей, связанныхъ маневромъ ловкаго отвѣтчика, ни одна уже не вправѣ взялась за дѣло сего послѣдняго!

Правда-ли, что Ташкентъ превращается въ обширное долговое отдѣленіе съ тою только разницей, что не по распоряженію сюда отправляются неоплатные должники, а сами они бѣгутъ туда, чтобъ укрыться отъ долговъ?

Правда-ли, что одинъ капиталистъ на праздникахъ устроилъ у себя ѣлку для дѣтей, которую, вмѣсто конфетъ и фруктовъ, увѣшалъ въ изобиліи разными лотерейными билетами и дѣти, воспитанныя въ добрыхъ началахъ, такъ напали на нее, что порасхибили другъ дружку носы до крови?

Правда-ли, что одинъ изъ извѣстнѣйшихъ концессионеровъ, счастливо монополизировавъ въ обширномъ нашемъ оте-

чествъ, зашибающій миллионы и въ тоже время кормящій рабочихъ людей порченными масломъ и тухлой солониной, заказалъ себѣ высокопарную печать съ девизомъ: «Le chemin der fer c'est moi!»

Правда-ли, что у насъ гражданскія дѣла (если имя имъ миллионъ) рѣшаются подчасъ съ быстротой военного суда, на основаніи полевого уложенія, въ 24 часа?

ВСЕРАДОСТНѢЙШЕЕ И ВСЕТОРЖЕСТВЕННѢЙШЕЕ ВОЗВѢЩЕНИЕ „ИСКРЫ“

Въ лѣто отъ сотворенія міра 7378-е, отъ основанія сатирическихъ журналовъ въ Россіи 102-е, нашего народненія двенадцатое, и возрожденія первое, по случаю этого самого возрожденія. мы, «Искра», приглашаемъ принять участіе въ нашей радости всѣхъ нашихъ благосклонныхъ и вѣрныхъ читателей и въ неизрѣченной кротости нашей, въ сердцѣ своемъ положили ознаменовать сей день, т. е. 1-е января 1870 г., актомъ милосердія и подобно Наполеону III даруемъ всѣмъ нашимъ литературнымъ врагамъ прошедшимъ, будущимъ и настоящимъ, а также и всѣмъ въ безсильной своей злобѣ на насъ шипящимъ **всесатирическую амнистию**.

По отношеніи къ этой амнистіи, писатели російскіе раздѣляются на три раздѣла.

- I. Писатели, пользующіеся заслуженною извѣстностью.
- II. Писатели, пользующіеся незаслуженною извѣстностью.
- III. Писатели, пользующіеся заслуженною неизвѣстностью.

Амнистія «Искры» не распространяется вовсе:

На нѣкоторыхъ газетныхъ публицистовъ, пользующихся заслуженною извѣстностью, какъ развратители общественнаго сознанія: такъ какъ ни одного дня не проходитъ безъ того,

чтобы они не подкапывались подъ основы, на которыхъ зиждутся просвѣщенные общества, то естественно ни одного изъ «Искры» не выйдетъ, въ которомъ бы они не получили достойнаго за дѣла свои возмездія.

На беллетристовъ пользовавшихся нѣкогда заслуженною извѣстностью, и промѣнявшихъ еѣ на незавидную славу писателей перваго раздѣла, амнистія распространяется только вполнину, т. е. до новаго ихъ преступленія въ видѣ тенденціонно-ин-инуаціоннаго романа.

Тожѣ разумѣть слѣдуетъ и о писателяхъ, пользующихся незаслуженною извѣстностью, коимъ нынѣ предоставляется наслаждаться въ мирѣ подъ ихъ смоковницами, не опасаясь никакихъ преслѣдованій со стороны «Искры», такъ какъ такія могутъ возникнуть только въ одномъ случаѣ: если они заявятъ въ дальнѣйшихъ своихъ сочиненіяхъ какія либо міровыя или (чего оборони Боже) русскія социальныя притязанія.

Затѣмъ даруется полная всесатирическая вѣчная и потомственная амнистія:

Всѣмъ бездарнымъ стихотворцамъ, затрапезнымъ поэтамъ, эстетическимъ критикамъ, безграмотнымъ рецензентамъ, завравшимся, запорпотовавшимся и запорпотовавшимся фельетонистамъ, и инымъ штукмейстерамъ, за исключеніемъ случаевъ, когда таковыя, при всей ихъ ничтожности, или по недоразумѣнію публики, или же по существу вопросовъ, коихъ коснется ихъ бумагомарательство подойдутъ подъ указанный выше I и II раздѣлы, такъ какъ «Искра» прежде касалась ихъ именно потому, что не всегда имѣла возможность, даже въ общихъ чертахъ говорить о I раздѣлѣ; сами же по себѣ они ничего, ниже значенія курьеза, для публики не имѣютъ.

Безхитростнымъ же сочинителямъ послѣдняго сего раздѣла, которые и впредь, посвящая себя трудамъ невиннымъ, будутъ писать стихи и прозу, какъ-то добрымъ штукмейстерамъ надлежитъ, предоставляется радоваться возрожденію «Искры», отнынѣ для нихъ безобидной и не возбраняется даже устроить по сему радостному для нихъ случаю иллюминаціи.

Искра.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я.

КАЛЕНДАРЬ ДЛЯ ВСѢХЪ СОСЛОВІЙ

на 1870 г., изд. А. Гриневскаго.

(годъ третій).

Изданіе, достаточно знакомое публикѣ по предшествовавшимъ годамъ, отличается отъ всѣхъ прочихъ календарей полнотою свѣдѣній. Тщательная провѣрка послѣднихъ и богатство приложений даютъ право рассчитывать что и на этотъ разъ публика отнесется сочувственно къ труду, вызванному всеобщей потребностью имѣть дѣльную справочную книгу.

Къ календарю, между прочимъ, приложены: 1) Фотографическій снимокъ съ портретомъ Высочайшихъ особъ (въ числѣ 49 лицъ); 2) Карта желѣзныхъ дорогъ Россіи (по послѣднимъ свѣдѣніямъ); 3) Адресный указатель правительственныхъ учреждений, акціонерныхъ, благотворительныхъ, учебныхъ и другихъ обществъ и заведеній, списокъ всѣхъ судебныхъ мѣстъ и проч.; 4) Справочный отдѣлъ для купцовъ и капиталистовъ; 5) Земледѣльческій календарь и проч.

Цѣна 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ роскошномъ переплетѣ 1 р. 70 к., на пересылку прилагается 30 к.

Требованія адресовать: издателю А. К. Гриневскому, въ С.-Петербургѣ.

ОБЪ ИЗДАНИИ ГАЗЕТЫ

„НЕДѢЛЯ“

ВЪ 1870 ГОДУ

ВЫХОДИТЬ РАЗЪ ВЪ НЕДѢЛЮ, ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ, ВЪ ОБЪЕМѢ ДВУХЪ БОЛЬШИХЪ ЛИСТОВЪ
УБОРИСТАГО ШРИФТА, А ИНОГДА СМОТЯ ПО НАДОБНОСТИ И БОЛѢЕ.

БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ.

Открывая подписку на газету НЕДѢЛЯ въ 1870 году, редакция могла бы ограничиться простымъ заявленіемъ, что эта газета будетъ издаваться въ главныхъ чертахъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ первые два года. Но, въ виду нѣкоторыхъ, предположенныхъ нами улучшеній во внѣшнемъ характерѣ нашего изданія **какъ еженедѣльной газеты**, мы считаемъ не лишнимъ изложить теперь же наши соображенія по этому поводу, не касаясь направленія газеты, которое уже достаточно выяснилось само собою.

Типъ еженедѣльнаго изданія въ нашей журналистикѣ вплоть еще не опредѣлился.

Занимая средину между журналомъ и газетой относительно сроковъ своего выхода въ свѣтъ, оно, конечно, должно занимать тоже мѣсто и по характеру своей программы. Но такой характеръ еженедѣльнаго изданія, теоретически совершенно ясный, никогда не осуществлялся на практикѣ, такъ что существовавшія у насъ еженедѣльные изданія постоянно уклонялись отъ своей прямой цѣли, приближаясь то къ журналу, то къ ежедневной газетѣ. Не имѣя, такимъ образомъ, въ нашихъ предшественникахъ установившагося образца, которому можно бы было слѣдовать, мы естественно, не могли сразу опредѣлить характеръ нашего изданія, **какъ еженедѣльнаго**, и только двухлѣтній опытъ далъ намъ возможность точнѣе согласовать цѣль такого изданія съ ея практическимъ выполненіемъ.

Мы думаемъ, что всего яснѣе опредѣлимъ характеръ НЕДѢЛИ изложивъ приблизительно составъ каждаго номера въ томъ видѣ, въ какомъ они будутъ являться съ будущаго 1870 года.

I. Передовая статья по одному изъ вопросовъ наиболѣе интересующихъ общество за последнее время. При выборѣ матеріаловъ для этихъ статей, редакция будетъ преимущественно останавливаться на тѣхъ изъ современныхъ вопросовъ, которые успѣли выясниться на столько, что сдѣлались доступны обобщенію и не имѣютъ въ себѣ ничего случайнаго, временнаго, несущественнаго, — словомъ, которыя поступили въ разрядъ такъ-называемыхъ «насуточныхъ вопросовъ». Примѣромъ такого рода статей могутъ служить нѣкоторыя изъ помѣщавшихся въ НЕДѢЛѢ за текущій годъ. Таковы напр., «Наши новыя судебныя учрежденія», «Больные преступники», «Къ вопросу о высшемъ женскомъ образованіи», «Темныя стороны новаго суда», «Современные сепаратисты», «Ремесленные школы, ихъ настоящее и будущее», «Вопросы брака» и т. п.

II. Внутренняя хроника вообще. Этотъ отдѣлъ будетъ заключать въ себѣ: во-первыхъ, письма и заявленія, поступающія непосредственно въ редакцію НЕДѢЛИ и помѣщаемыя или цѣликомъ, или въ извлеченіяхъ; во-вторыхъ, сводъ наиболѣе интересныхъ извѣстій, заимствованныхъ изъ отчетовъ о дѣятельности судебныхъ, земскихъ и судебно-мировыхъ учреждений, ученыхъ, техническихъ, филантропическихъ и другихъ обществъ, а такъ же извѣстій, которыя появляются въ другихъ періодическихъ изданіяхъ и — въ третьихъ, Правительственные распоряженія, — перечень важнѣйшихъ распоряженій правительства, изъ которыхъ наиболѣе крупныя будутъ приводиться или цѣликомъ, или въ подробномъ извлеченіи.

III. Политика. Общій обзоръ политическихъ событій за истекшую недѣлю. Сюда войдутъ только такія извѣстія, которыя характеризуютъ въ данную минуту политическое или социальное положеніе извѣстнаго государства.

IV. Критика. Въ этомъ отдѣлѣ читатель найдетъ: 1) Статьи научнаго содержанія по одному изъ вопросовъ, хотя и неимѣющихъ непосредственнаго отношенія къ современной русской жизни, но, тѣмъ не менѣе, способствующихъ уясненію общаго характера окружающихъ насъ обстоятельствъ; 2) Обзорѣніе замѣчательнѣйшихъ явленій нашей періодической литературы (журналистика).

V. Беллетристика. Романы, повѣсти, этнографическіе очерки, путешествія, и т. д. Въ случаѣ отсутствія хорошихъ оригинальныхъ произведеній этого рода, редація будетъ помѣщать переводныя, или цѣликомъ, или въ извлеченіяхъ, если объемъ ихъ не будетъ соответствовать общему объему нашей газеты.

VI. Библиографическіе очерки.

VII. Фельетонъ.

VIII. Смѣсь, въ которую войдутъ: 1) Небольшія статьи по отдѣльнымъ вопросамъ — изъ числа тѣхъ, которыя не имѣютъ всеобщаго значенія и отличаются болѣе газетнымъ характеромъ, но, интересуя общество, въ тоже время служатъ чертами, характеризующими нашу общественную жизнь. Изъ немногихъ статей этого

рода, появившихся въ текущемъ году, можно указать на слѣдующія: «Журнальные ратаборцы», «Г-жа Лавровская передъ судомъ г. Стасова», «Дѣтели по части филантропіи» и т. п. 2) Разныя замѣтки и извѣщенія.

Два послѣдніе отдѣла, а также отдѣлъ критики, который посвященъ обзорѣ періодической литературы, будутъ чередоваться между собою.

Таковъ будетъ приблизительный составъ каждого номера НЕДѢЛИ, начиная съ 1870 года. По возможности строго придерживаясь этого состава, редація НЕДѢЛИ дастъ читателямъ возможность слѣдить за *всѣми* современными вопросами, и притомъ, *въ ихъ обобщенномъ видѣ*. Эта-то послѣдняя цѣль и будетъ характеризовать наше изданіе, какъ еженедѣльную газету.

ПОДПИСКА НА «НЕДѢЛЮ» ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Петербургѣ. Въ главной конторѣ газеты НЕДѢЛИ, у Пѣвческаго моста, д. Утина (у В. Е. Генкеля), кв. № 37-й, и въ «Русской Книжной Торговлѣ» на Невскомъ проспектѣ, д. Армянской церкви, противъ Гостиннаго двора, № 42.

Въ Москвѣ. У Ив. Гр. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Загряжскаго.

Гг. иногородные адресуютъ свои требованія такимъ образомъ: Въ Петербургѣ, въ редакцію газеты НЕДѢЛИ.

ПОДПИСАНЫ ЦѢНА НА 1870 ГОДЪ.

Годовая: безъ пересылки и доставки 5 р. с.; съ пересылкой и доставкой на домъ 6 р. с. (75 к. пересылка и 25 к. упаковка).

Полугодовая: безъ пересылки и доставки 3 р., съ пересылкой и доставкой на домъ 3 р. 50 к. (45 к. пересылка и 5 к. упаковка).

Л ШАНДОР А

ВЪ 1869 ГОДУ ВО ВСѢХЪ СТРАНАХЪ
ПРИВИЛЕГИРОВАННЫЯ

ШАНДОРИНО-ГАЗОВЫЯ СВѣЧИ

Б Е З ъ С ВѢТ И Л Ы Н Ы

и

БЕЗЪ ИГЛЫ

продаются оптомъ и въ розницу въ магазинахъ **Л. Шандора**, въ С.-Петербургѣ, Большая Конюшенная, домъ № 17. Въ Москвѣ, на углу Большой Никитской и Газетнаго переулка, домъ кн. Вадбольской и у всѣхъ моихъ въ газетахъ объявленныхъ агентовъ

Цѣна Шандорину для шандориновыхъ лампъ: въ С.-Петербургѣ 11 к., въ Москвѣ 13 к. за фунтъ.

Л. ШАНДОРЪ

Американскій Гражданинъ, Контрагентъ
для столичнаго освѣщенія.